

Михаил Рагимов

ВЫСОКИЕ

ОТНОШЕНИЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Рагимов

Высокие отношения

«Автор»

2020

Рагимов М. О.

Высокие отношения / М. О. Рагимов — «Автор», 2020

Хитрые убийцы и честные солдаты, мастера собак, но без собак, арбалетчики с татуировками "Хрен попадешь!", старый рыцарь на сивой кобыле, вооруженный грабеж, невооруженный грабеж, циничный разбой, работа строем и один-на-один, городские и деревенские, мутанты и уроды, бордели с мулатками, поножовщина и запущенный алкоголизм... Разные люди, разные судьбы, один финал. Сразу скажу, это не эпически-героическое фэнтези. Это - производственный роман! Содержит нецензурную брань.

© Рагимов М. О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Бляди и волшебство	8
Глава 2. Мера цемента, четыре меры песка...	20
Глава 3. "...а крови – сколько смесь возьмет!"	26
Глава 4. Шкотовый узел	34
Глава 5. Встречная восьмерка	39
Глава 6. Молилась ли ты на ночь, Бертольдина?	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Рагимов

Высокие отношения

Посвящается людям мечи и людям кирпича,
с которыми автора сводила безжалостная, но веселая судьба

Автор благодарит:

Игоря Николаева за “Ойкумену”, идею и неоценимую помощь

Артема Андреевского за неожиданные подсказки

reductor111 за название

Евгения Шкляра за промышленный альпинизм

Сергея Павлова за помощь с ошибками

Александра Пополднева за обложку

Евгения Беденко за судьбу Юрга ди Шамли

Русалку Ди за Русалку Ди

Акиро Куросаву и Ивана Кошкина за сюжетные изгибы

Владимира aka ИнжеМеха за помощь с запятыми

Михаила Лапикова за поддержку добрым словом и нужным советом

Максима Коннова за постоянное заглядывание из-за плеча и

искреннее волнение за героев

Так же, большое спасибо всем, кто не пожалел трудового рубля!

Отдельная благодарность моей любимой Насте!

Пролог

"Расскажу я вам, если на то будет ваше желание, о том времени, тех людях, которые жили в те времена, и о тех, которые жили, но людьми вовсе не были. Расскажу о том, как и те, и другие боролись с тем, что им то время принесло. С судьбой и с самими собою. Начинается эта история мило и приятно, туманно и чувственно, радостно и трогательно. Но пусть это вас, любезные господа, не обманывает...

Пусть не обманывает."

А. Сапковский "Башня шутов"

Строй противника утратил ровность, присущую крепко сбитым и натасканным полкам. Одно дело парад на плацу, и совсем другое дело удержать равнение после десяти атак тяжелой кавалерии! И каких атак!

Обычная пехота и после первого натиска часто рассыпается. Раз, и становится трусливым стадом, что так легко и весело догонять! И бить с коня на выбор. В затылок, в спину!

Барабанщики колотили отчаянно – дробный стук долетал до всадников, звучал, будто лихорадочно бьющееся сердце. Флейтистов не было – вырезали их! Не играют дудки против меча, как ни старайся! Жаль, дорогой ценой. Но ведь почти дошли до сердца полка, до маленького каре, посреди которого высились черно-белый штандарт империи и полковое знамя – тяжелое зеленое полотнище с золотой бахромой и червлёным [в геральдике скучный и банальный красный цвет проходит под таким названием] мяуром, задравшим заднюю лапу. Надо же, выдумали себе герб!

– Sleagh air a ghualainn! – заорал пехотный командир, – Tha a'cheum!

Надо же, сам тощий, а голосина какой, орет, будто в жопу вертел сунули!

Пехота ответила нечленораздельным ревом, в котором слышалось многое – от проклятий до молитв. Ничего, молитесь, молитесь, сволочи! Заступничество Пантократора вам еще пригодится!

Раздался звук рожка – герцог собирал кулак для последнего удара.

Пусть мужичье вопит, пусть выставляет пики! Один последний удар, и все, они не выдержат, посыпятся! И побегут! Должны побежать!

Кони шли шагом, мало-помалу догоняя усталую пехоту. Еще немного, еще десять минут такой вот неторопливой погони... И марш-марш-марш!

Копье вырывается из ладони, натруженной, несмотря на толстенную кожу с бархатной подбивкой в латной перчатке, пот заливал глаза... И кони идут все медленнее и медленнее, уже не ржут, а вымученно хрипят, роняя ключья пены с окровавленных губ.

Пехота остановилась, встала в оборону.

Кавалерия тоже остановилась, начала перестраиваться, пытаясь собраться хоть в какое-то подобие строя. Получалось плохо, но десять предыдущих атак собрали изрядную дань! Никаких клиньев и прочих ударных формаций, нестройный рыхлый прямоугольник, столь же условный, как и "квадрат" пехоты перед ней.

Герцог со знаменем в руках выехал перед строем. Повернулся к врагу, поднял знамя повыше, наклонил вперед, указывая цель...

Бронированная масса за ним тронулась, двинулась вперед, с каждым шагом все ускоряясь. И не было среди пехотинцев ни единого человека, который, глядя на стальную поток, не вспомнил бы все прегрешения свои. Не подумал, что скоро встретится с Пантократором, Отцом небесным, чтобы дать отчет в буйной и далекой от благочестия жизни. Потому что когда

на тебя прет лавина тяжелой кавалерии, даже самый смелый человек понимает, что смерть охренительно близко.

Полковник тоже вспомнил многое, однако не столько прошлые грехи (коих, скажем прямо, набралось немало), сколько путь, что привел его на это поле, то ли к немеркнувшей славе, то ли бесславной гибели. Путь, что начался много лет назад...

Глава 1. Бляди и волшебство

Банда пила в “Драном Башмаке” с полудня. Как завалились сразу после дела, так и пошло без остановки. Бутылка за бутылкой, кувшин за кувшином, стаканом о стену, будто камнем в воду – только брызги стеклянные, лица и руки в кровь режут. Смешно же!

Бегай хозяин, бегай! Таскай удачливым парням поднос за подносом, уворачивайся от пинков в толстую задницу! Ухари гуляют, не чета всякой “мозоли”! Так что изволь просуетить на все деньги, тебе уплаченные!

Платили, разумеется, вперед. В Сивере так положено. Не везде, конечно. В “чистых” кварталах все иначе. Там ждут, пока клиент откушать изволит, и лишь потом начинают за плечом маячить, намекая на скорую оплату и пару грошей поверх счета.

Тут так опасно. Пока гость жрет свою баранину, ему самому глотку перехватить могут. И разбирайся потом, с кого плату брать! Вжик, и кровь веером! Как тому, утреннему...

Лукас поежился. Нет, убивать ему доводилось, и не раз. И в самого ножом тыкали, вся грудь в шрамах. Но как-то очень мерзко проскрипел по кости клинок Барки, когда он кончал того, утреннего. Не вовремя человек по переулку шел, думал, наверное, проскочить, пока босота от ночи отсыпается. И попался. Лежит в луже крови, раздетый, разутый, без кошель. И голову почти отхватили, на коже держится.

А Барка, вон, живой и радостный! Нахлестался винищем и куражится! Развлечений у бывшего наемника, родом откуда-то из окрестностей столицы мало. И все чисто городские. А как перепьет, что часто бывает, то пропадает вопрос с бабами. Повисает, так сказать. И остается ровно два! Или ножами швыряться в стены – швырется, впрочем, как из арбалета бьет! Или же другое – положить ладонь на стол, пальцы растопырить, да начать столешницу меж пальцев ножом колоть. Между мизинцем, безымянным, средним, указательным... И по кругу, и по кругу! Хорошо, когда ладонь своя, как сейчас. А то всякое бывает. Иногда и промахивается, чужие пальцы кромся.

Снова хлопнул-звякнул разбитый стакан, брошенный в стену. Пробегавший хозяин пригнулся испуганно, но с шага не сбился. Привычный.

– Ну, за «хомяка»! – провозгласил тост Рэйни, поднял чашу мощной рукой, обросшей белесым, почти прозрачным волосом. Вообще, вожак частенько напоминал Лукасу свинью. Что обликом – смахивая на откормленного хряка с богатого подворья, что поведением – особенно, когда напивался и падал на пол, засыпая в мокрых штанах среди объедков.

– За «хомяка!» – поддержала многоголоса банда, побросав прочие дела. Особенно старались Фуззи и Вуззи – два брата-близнеца, бывшие при вожаке первыми помощниками и прихлебалами. Лукас подозревал, что кучерявые братья пьяному Рэйни даже иногда драчили, а то и подставлялись – очень уж влюблено смотрели они на главаря. Конечно, благоразумный Лукас предположения держал при себе. А то мало ли, появится в теле несколько лишних, совсем не нужных дырок. Или завизжит клинок, впиваясь в кость...

– Хороший «хомяк», – не убирая взгляда от ножа, летающего меж пальцев, произнес Барка. Рука наемника, казалось, живет своей жизнью, отдельной от тела. Так и металась. Тук-тук-тук, – глухо стучал кончик о дерево, выдержанное в пиве, вине и слюне спящих посетителей.

– Хороший, – повторил Барка, – считай, целый «бобер»! Вон, хвост какой жирный! Ни медяшки, одно серебро!

– И даже пара золотых! – поддержал Барку Рэйни. – Ну, за толстого «бобра»! И чтобы не последний!

– Не последний! – слажено рывкнула банда.

Лукас тоже взревел нечто не особо различимое, застучал кружкой по столу, расплескивая пиво. Накапливалось раздражение. Одно и тоже. Одно и тоже! Сейчас закажут еще по одной, потом повторят. Затем Рэйни и Фуззи с Вуззи, перебивая друг друга, начнут вспоминать всякие старые дела, обрадовавшие своим итогом, лет, этак десять назад. А то и раньше.

Приставший к банде с полгода назад, Лукас это представление, крайне сомнительной ценности и интересности, видел после каждого мало-мальски относительно удачного дела. И ничего никогда не менялось. Возможно, кому из его приятелей, к примеру, тому же Йоржу, могло и понравиться. Выучил роль раз и навсегда, и гоняй ее по кругу, как слепую лошадь в шахте. Даже пьяным в хлам, даже с отпиленной головой. Непритязательной публике пойдет и такое. Похлопает и нальет.

– Да чтоб тебя! – Неожиданно сам для себя, Лукас взорвался. Врезал по столу так, что кружка лопнула, оставив в руке толстую ручку.

Сидящая рядом Иветт, дернулась от неожиданности, вжалась в стену, спросила с опаской:

– Ты чего, Изморозь? Допился?

Лукас перевел взгляд на соратницу, оглядел с головы до пояса – прочее скрывал стол. Ничего нового, разумеется, не увидел. Иветт как казалась побитой жизнью и десятком хахалей торговкой с рынка, такой и оставалась. Разве что от выпитого лицо покраснелось.

– Мне просто все это надоело! – рявкнул он. – Я, между прочим, студент! Я учился! Я книги писать умею! До сих пор все это помню! Спряжения, наречья, герундии! И чем я занимаюсь?! Развожу «бобров» на драку?! А им потом глотки режут тупым ножом!

– Херундии? – осторожно катнула на языке незнакомое слово Иветт, – А это куда?

– Это никуда...

– А раз никуда, то каков смысл в этом самом херундии? Пожалуй, и не заплатят за него, только зазря измочалят... Так что ерунду ты говоришь, Изморозь. Может, лучше трахнемся?

Иветт намекающее облизала толстые губы с белесыми усиками над верхней.

Лукас смел бранные останки кружки на пол, медленно выбрался из-за стола. Пришло четкое понимание двух вещей. Он пьян. И ему нужна женщина. Нет, не такая сельская баба как Иветт, у которой в косах репяхи, на ногах козьи котяхи, рожа в прыщах, а задница шершавей еловой шишки! Нет, хорошая, гладкая женщина. В которую он с превеликим удовольствием сунет член. И будет долго-долго не высовывать!

Под ногами хрустели черепки. Шныряли местные лисы – очень маленькие, зато с огромными ушами. Лисички обгрызали недообглоданные людьми кости, ругались друг с другом тоненькими, смешными взвизгами. В другое время, Изморозь обязательно бы понаблюдal за забавными зверьками – нравились своей бесшабашностью, да и вообще, пушистики, это забавно!

Чуть не наступил на руку кому-то из ослабевших побратимов – тени скрывала лицо. Неудачно отшагнул, запнувшись о табурет, с грохотом упал. Тут же подскочил, будто пружиной вздетый – злость трезвила и придавала сил. И женщина! Она где-то его ждала, уже раздвинув ноги!

– Ты куда? – окликнул Рэйни.

– Пойду, пройдусь. Вы тут напередели, глаза режет! – огрызнулся Лукас. – Свежим воздухом подышу, в Колодец плюну и назад.

– Какой Колодец?! – свел вопросительно брови Фуззи, а может и Вуззи. – Самая ночь на дворе! Стража везде!

– И пусть стража! Я же Изморозь! Возьму, и растаю!

– Пусть идет, – перегнувшись, тронула Рэйни за рукав Марселин.

Настоящего имени высокой рыжеволосой красотки с неизменной чинкуэдой-”пятерней” на поясе, никто не знал. Возможно, и сама забыла, вступив на извилистую тропу войны и грабежа. Но к ее словам прислушивался даже Барка.

Довелось пару раз видеть, как девушка дерется. Молния, чтоб ее! Движения настолько быстры, что не разобрать! Налетает вихрь, и падает исколотый труп. А она уходит, чуть пританцовывая. И только задницей виляет. К заднице Марселин, затянутой в тугие кожаные штаны, Изморозь смел прикасаться только взглядом, и то, издалека. Ткнет еще дагой, и из затылка вылезет!

Лукас задрал подбородок и, слегка покачиваясь, зашагал к двери, стараясь ни об кого, и ни обо что не споткнуться. Особую тревогу внушала кривая лестница со второго этажа. Были, случаи, когда кратчайшим расстоянием между первым и вторым этажами оказывалась – как и учили – прямая. Не менее четырёх раз. И только за неделю. Но, поскольку летать приходилось не Лукасу, сохранялась надежда на успешное преодоление пути вниз. Местами не было перил, а скрипучие доски грозили провалиться под ногой.

Наконец дверь «Драного Башмака» хлопнула за спиной. Изморозь вдохнул свежего воздуха полной грудью. Его тут же замутило. Сунув два пальца в рот, Лукас немного облегчил страдания организма. Во рту остался мерзкий кислый привкус блевотины. Соответственно, план немного менялся...

Добавлялся пункт «пиво». И, обязательно, хорошее! Не та моча, что хлебает свиноподобный Рэйни сотоварищи! Денежка-то есть на хорошее. Чудесной музыкой звенят в кармане!

После – найти «ночного извозчика»! Про них Лукас узнал на второй день пребывания в Сивере. Выдумка кого-то из прежних бургомистров. Ввел, умник, запрет на перевозку мертвецов по городу днем. Пришлось возить ночью. Вот и появились лихие ребята, которых не смущают постоянные трупы за спиной. Ездят себе, из фляжечек граппу прихлебывают. Иногда подвозят загулявших пьяниц. Тех, кто без коня, да смелых – не каждому по душе катиться на повозке, где до тебя не одна сотня дохляков лежала! Еще «ночные» знают все, что делается после заката. И где женщины есть, тоже должны знать!

Бабы третьим пунктом и были. Залезть на какую, и до утра! Ебись, пехота, помирать не время!

На улице было свежо. Холод немного протрезвил. Идеальный вроде бы план, начал казаться глупым. Куда-то тащиться, кого-то искать....

Лукас почувствовал взгляд на спине. Рывком ушел в сторону, обернулся. На втором этаже, за мутным и грязным стеклом, стояла Марселин, внимательно смотрела на него. Увидев, что Изморозь ее заметил, девушка развернулась – мелькнули две короткие косы – скрылась в глубине зала.

Вот была бы хоть немного чутче к соратникам, позволила бы залезть в штаны... Отогнав пустые мечтания, Лукас решительно свернул в подворотню.

Убитый утром «бобер» ошибался. Самое безопасное время в «грязных» кварталах не с рассветом, а за пару часов до него. Сейчас можно пересечь Сиверу насквозь, не встретив ни души. Разве что крысы дорогу перебегут, недовольно оглядываясь.

Пройдя по вихляющему переулку, свернул через четыре дома, еще немного прошел. Ага, а вот и нужный!

В трехэтажном здании, похожем на замок, располагалась гостиница и таверна. Внутри такое отребье, как он, конечно, не пустит ни один вышибала в здравом уме – лови потом по этажам, извиняйся за ограбленных господинчиков да оттраханных дамочек.

Но на каждой кухне есть повара! И если подойти к нужному окошку, да стукнуть как надо, то тебе за три «мечника» вручат кувшинчик отборного пива, лучшего в городе!

А еще там постоянно торчат извозчики, готовые подобрать клиента, желающего добраться домой живым. «Ночные» народ опасный, рискованный и весьма дружный! С ними заключен негласный мирный договор – никому не хочется упасть с моста, будучи связанным по рукам и ногам!

– Красного, – каркнул пересохшим горлом Лукас в приотворившееся окошко, сунул туда денежку. Ему тут же выставили на подоконник кувшин с заковыристой печатью. Окно тут же захлопнулось, стукнул засов...

Изморозь скovyрнул запечатанную пробку, щелкнул, складывая нож. Глотнул, обливаясь... Голова тут же обрела свежесть. Бунт кишок в животе подуспокоился. Волшебная же штука! Жаль, дорогушая!

Подувявшее от долгой беготни желание, начало снова возвращаться, натягивая штаны.

О, а вон и «ночной» стоит! Удачно!

– Милейший, – нарочито вежливо произнес Лукас, подойдя вплотную, – а вы сегодня возите прошлые трупы или будущие?

– Разница небольшая, – пожал плечами извозчик, широкоплечий парень с короткой бородой, кое-как подровненной тупыми ножницами – свет из окон гостиницы позволял рассмотреть все, что угодно! Хоть книгу читай!

– Ну, тогда вези будущего!

Изморозь ловко запрыгнул на повозку. От чрезмерной ловкости ополовиненный кувшинчик вырвался из руки, перелетел повозку, и звонко лопнул на брусчатке. Разлившееся пиво показалось черным.

«Ночной» по поводу случившегося не произнес ни слова, даже не моргнул. Хотя он и не такое видел-то, зуб можно давать!

– Куда? – спросил извозчик, когда Лукас кое-как устроился на одном из сидений. Сиденье было маленьким, жестким и неудобным. Видать, чтобы больше скорби было на лицах провожающих в последний путь.

– Куда... А, точно, вспомнил! – затараторил Лукас, – с этой срочностью все из головы вылетело. Тут где-то рядом бордель есть. Хороший такой, называется... – Изморозь развел руками, – слушай, а забыл как он называется. Совсем из головы вылетело. Заказов столько, что не продохнуть! Голова уже отказывает, все в памяти держать! Нет, надо срочно секретаря нанимать!

– Заказов? – переспросил «извозчик».

Лукас готов был поспорить на целую челюсть чужих зубов, что у того глаза на затылке, и он видит каждое движение. И гнусно ухмыляется!

– Ну да! – с пьяной искренностью начал врать Лукас, – я же по Бурштынному району первейший специалист по бухгалтерским книгам и счетам! У кого что не получается, сразу ко мне гонца шлют! Ну а не подвожу! Сплю, ем, пью, все бросаю, и на выручку.

– Когда счета сломаются, тут помощь нужна, это верно! – совершенно серьезно произнес «ночной», без малейшей нотки сомнения в словах собеседника. – Палец, если застрянет, хрен вытащишь!

– Во-во! – закивал Лукас. – Палец застрянет, страницы слипнутся, управляющий проворуется. Все ко мне бегут! Ну а я к ним!

– Платят хоть?

Разумеется, извозчик не верил ни единому слову Лукаса. Да и надо оно ему, верить всякой говне пьяной? Изморозь прекрасно это понимал, чай, не дурак. Но отчего-то казалось очень стыдным признаться, что он банальный «повод», пусть даже и с кое-каким не самым паскудным прошлым. Но прошлое в прошлом, а в настоящем был Изморозь не солидным человеком, а чмошным шпанюком, пусть даже и при деньгах.

– Конечно! – Лукас хотел было потрясти кошельком для убедительности, но решил не перегибать. Очень уж «ночной» был здоров! Такого и оружием валить трудновато, а уж когда при себе лишь складной нож, то вообще не реально. – Хорошо платят!

– Ну раз хорошо... – «ночной» задумался на миг, – тогда из местных борделей тебя разве что в «Русалку» могли вызвать. Остальным такой ценный специалист и не по карману будет.

– Что-то да, такое вроде название... – попытался придать лицу задумчивое выражение Лукас.

– Хорошее место. Там еще хозяйка под стать. Стройная, высокая. Волосы длинные, синим красит. И в платье постоянно. Обтягивает, переливается...

Извозчик прицокнул языком.

– Точно, оно! «Русалка»!

– Ну поехали, раз оно. Тут недалеко будет.

Конечно же, ни в какой “Русалке” Изморозь ни разу не был. Он и название-то слышал первый раз. Но кто же в таком признается, когда внутри плещется доброе полуведро пива? Кстати, о пиве...

– Останови, любезный!

– Ссы с повозки.

От неожиданности и обиды перехотелось.

Ехали, действительно, недолго, хотя Лукас и успел задремать.

– Доброе утро! – легонько щелкнул его по плечу хлыстом извозчик. – Просыпайся, пока профорс не приснился.

Очумелый Лукас подскочил. Повозка стояла на перекрестке. Со всех сторон возносились стены из дикого камня. Высоченные!

Влип. Ни вывесок, ни знаков. И как искать ту “Русалку”?

И через стену особо не полезешь. Так-то, не сложно. Но вдруг ошибешься? Не поймут! И можно свалиться не в логово разврата и порока, а на отточенные пики, вмурованные специально для непрошенных гостей. Отложив раздумья, Изморозь пристроился у одной из стен, блаженно застонал...

Выручил “ночной”, деликатно дождавшись, пока клиент подтянет штаны.

– Тебе направо, где дверь под хвостами?

– Под хвостами? – переспросил Лукас.

Извозчик молча кивнул.

Ха, а действительно, хвосты... На арке, над мощной калиткой из окованных бронзовыми полосами досок. Этакая синкретическая [Лукас, господа читатели, все же настоящий студент, а не хвост собачий!] помесь тюленьего и рыбьего. Точно, русалочки...

– Спасибо, друг! Выручил! Я тут был, но днем. А ночью вообще все не так смотрится.

– Да не за что. У всех ночью не так смотрится, – все же не сумел удержаться от язвительности в голосе «ночной». – Тебя дожидаться, счетовод?

– Не стоит, – отмахнулся Изморозь, снова обретший некоторую уверенность. – Вдруг совсем плохо с учетом, чего тебе зря стоять? Оно и до утра затянуться может.

– А на вид и не скажешь, – совершенно непонятно к чему хмыкнул извозчик. Лукас, по крайней мере, сделал вид, что не понял. – С тебя ровным счетом полгроша. Раз уж платят так хорошо.

Лукаса перекосило от глубокой сердечной тоски. Да за полгроша, он пешком город вокруг обойдет! На коленях! Хотя, да, будем объективны, сюда бы он пьяным в жизни не добрался. И с нужными дверьми вышло бы не очень хорошо.

– Лови, друг!

«Ночной» выхватил монетку из воздуха даже не рукой – кончиком хлыста.

– Удачи, счетовод!

Изморозь дождался, пока скрип повозки и стук копыт удалятся. Подошел поближе к арке «под хвостами».

В проулке звенели клинки, снова кто-то кого-то убивал. Впрочем, на сей раз, имела место не банальная резня, а кургуазное дуэлирование. Подставное, конечно, разве приличные люди станут вопросы чести решать в такое паскудное время? Да еще при такой свите – рожи уродские, как на подбор, клеймо ставить негде! Один из дуэлянтов, похоже, бретер – саблей крутит ловко, да и клиночек характерный. А второй... тьфу, а не боец, одно расстройство и огорчение!

Упитанный, одышливый, неловко машет оружием, будто за хер схватился, да по углам метки ставит. Не жить ему! Убийство как есть. Подстроенное и подлое, чего уж там. Честнее в почку стилетом ткнуть, да с моста скинуть!

Странно, что место такое выбрали, тут и приличная публика живет, которая блеск холодной стали созерцать лишний раз не любит. Хотя, с другой стороны, наоборот, правильное ко всеобщему обозрению выставяться, чтобы потом, ежели чего, можно с чистой совестью полквартала в свидетели призвать, что дрались честно, один на один.

Изморозь пожал плечами и сделал вид, что ничего не заметил. Пара человек из группы "секундантов" мазнула по нему острыми взглядами, однако тем и ограничились. То ли признали безопасным, то ли наоборот. С другой стороны, раз рубятся именно здесь, значит так надо. А если и не надо, то опять же не его забота.

Лукас стукнул толстым, тоже бронзовым кольцом на двери. Вышло на удивление звонко. Открывать не спешили. Пожав плечами, Лукас покрутил головой и врезал еще пару раз. Словно в такт кольцу толстяк не выдержал и возопил тонким голоском от щемящего ужаса. И почти сразу же донесся очень недобрый звук, с которым хорошо заточенный клинок разрубает толстую хорошую ткань и плоть под ней. До самой кости. Хороший такой звук, как сказали бы в родной студенческой обители – богатый сложными оттенками. Вопль сразу оборвался. Ну, быстро отмучился бедняга. Главное теперь, чтоб никто из свиты не подумал, что пара лишних глаз тут совсем ни к чему. Лукас незаметно подобрался и раскрыл в кармане ножик... Отбиться он и не думал, но помирать без драки студенту, хоть и бывшему, не положено. Сходил, называется, по бабам продажным...

– Чего шумишь?

От голоса, раздавшегося под боком, Изморозь аж подпрыгнул. Разглядел забранную массивной решеткой отдушину на уровне головы – звук вышел оттуда.

– Все хорошо, деньги есть, – со всей имеющейся в теле наглостью заявил Лукас.

– Все хорошо, и деньги есть, а по ночам не спится. Может, не все хорошо? – философски протянул невидимка.

Тут же щелкнул засов, не дав Изморози ответить колко и остро. Калитка распахнулась, чуть не заехав Лукаса по носу – проклятый невидимка определенно знал толк в доброй шутке!

За калиткой неожиданно оказался не привычный в Сивере двор – аккуратно выложенный камнем, с цветами на каждом углу, нет! Калитка оказалась дверью в коридор. Узкий, только-только двоим таким как Лукас разминуться. А кто дороден, типа Рэйни, тот и намертво застрять может. Пробкой.

Впрочем, коридор тянулся шагов на пять. Сразу за ним располагалась небольшая комната. Ярко освещенная парой десятков больших свечей, с очередной дверью напротив входа со двора. Комнатка пустовала – не считая низенькой софы, обтянутой тканью. Похоже, шелком.

А на софе дожидалась его хозяйка «Русалки». Точно такая, как описывал «ночной». Высокая, стройная, с небольшой, но весьма приличной грудью. Длинные, почти до земли, гладкие синие волосы, обтягивающее платье непонятного цвета – что-то этакое зелено-золотисто-то переливчатое, ярко-серые глаза, густые ресницы, зовущие губы... Под стать названию подобрали!

– Добро пожаловать в «Русалку», дорогой гость!

От ее голоса у Лукаса встало все. Начиная от волос на затылке.

– И вам здравствуйте, – смущенно прохрипел Изморозь, – я, тут, это... Ну, зашел...

В свои двадцать пять с чем-то девственностью Лукас не страдал. Баб было много. Всяких разных. И крестьянки, и горожанки, и студентки. Даже одна дворянка была. Правда, случайно, и она напилась до бесчувствия. Облевалась потом – он еще с похмелья мучался совестью – нечто так плохо еб? И шлюхи были, как иначе? Трудно жить на дне и не пачкаться в иле. Только все они были лет на десять старше, с отвисшими грудями, рыхлыми жопами, в которых проваливаются пальцы...

А тут... Или это продолжение того смущения, что квадранс назад остановило в растерянности и беспомощности на перекрестке? Точно! Все из-за сволочного извозчика!

– Все мы прекрасно понимаем, зачем ты здесь, дорогой гость! – проговорила Русалка. – С другими целями сюда никто не приходит. Пойдем наверх, к чему эти разговоры у порога? Там все и обговорим. Ты у нас первый раз, не так ли? Иначе бы запомнила твой мужественный профиль...

– Пойдем, да. И все обговорим, – повторил Изморозь, будто замороженный. Впрочем, кто бы устоял при виде роскошнейших ягодиц, так и гуляющих под тесным платьем?!

Руки сами потянулись схватить. Но Русалка, почуяв неладное, обернулась, погрозила с улыбкой пальцем.

– Простите, простите! – совершенно неискренне извинился Лукас.

Лестница привела на второй этаж. Изморозь ожидал увидеть длинный коридор с парой десятков дверей. Бегают кругом полураздетые девки, трясая сиськами. За ними бегают пьяные мужчины, трясая, соответственно, письками. Вокруг режут песни, кто-то блюет в углу...

Но всего лишь круглая площадка, шага в четыре, в диаметре. Две двери. Высокие, выше Лукаса на пару голов – с запасом соорудили – чтобы и на коне заезжать при желании! Резное дерево, снова привычная уже, начищенная до блеска бронза.

Изморозь ощутил, как по хребту течет тонкая струйка трусливого пота. Сейчас как обернется синеволодая, как улыбнется ласково... И назовет цену. Запредельную. А сбежать не хватит ни смелости, ни трусости.

И хорошо, если дело кончится банальным, хоть и обидным пинком в жопу – катись, мол, нищесборина позорная! Наворуешь, приходи! А если решат к делу приспособить? Беспокойство отрабатывать? Знаем мы этих чистеньких! У них головенка-то едет, только Панктократор ухает восторженно! То бритвами машут, то еще что... Вон, одного поймали в прошлом году, на Юге – обряжался в гиенью шкуру, да по лесам голышом бегал, мудями тряс. Ну и жрал кого ловил. Пока муди не отрезали под корень – попался на свою беду паре наемников на ножи. Те шкуры не испугались!

Русалка толкнула ближайшую дверь, поманила.

Комната так и дышала богатством. В каждом углу по дюжине свечей, палисандровый паркет (хоть и потрескавшийся местами, справедливости ради), огромные зеркала во весь рост... Огромный диван, застеленный свежим, хрустящим на вид бельем.

Стены оклеены темно-синим, почти черным шелком. Прямо на ткани, какой-то хитрой краской, словно бы изнутри светящейся, нарисованы во множестве вариантов совокупляющиеся люди. Мужчины с женщинами, мужчины с двумя женщинами, женщины с женщинами...

Нечто подобное, куда хуже нарисованное, Лукас видел в портовом борделе на Островах. Там, возле каждой сценки были еще подписаны цены в нескольких монетных системах. Для тех, кто плохо понимает человеческую речь. Здесь же к чему? Горцы заходят? Вряд ли, ни одного рисунка с овцой...

Утесом громоздился камин. Сейчас, по причине теплой осени, не горящий. Маленький умывальник в углу. Два высоких стрельчатых окна, с широкими подоконниками. На подокон-

никах – маленькие подушечки. Для удобства, похоже... окна выходили в сад. Лукас застыл перед одним, пытаясь рассмотреть. Но из-за яркого света за спиной он видел только очертания деревьев...

Русалка присела на уголок дивана, похлопала ладонью рядом с собой.

– Присаживайся. К чему смотреть в окно, когда начинается разговор о самом интересном?

– Сколько? – оторвался Лукас от окна, внутренне сжимаясь.

– Грош в час, пять грошей вся ночь.

– Тут ночи-то, – пробурчал Изморозь. Цены, конечно, прямо таки ух! Полгроша «ночному», грош-другой здесь, еще «полгроша» на дорогу обратно... И не считая бездарно пролитого пива! Знал бы что так все выйдет, заперся бы в сортире, да вспомнил какую девку поприятнее! – Еще пару часов и рассветет!

– Значит, ночь до полудня тебя не устраивает? – усмехнулась Русалка.

– Хорошая ночь, – прикинул Изморозь, – в другой раз я бы рискнул. Но, боюсь, не справлюсь.

– День был трудным? – спросила синеволосяя, наклонившись к клиенту. Грудь почти вывалилась из платья.

– И ночь нелегкой, – дыша в сторону, признался Лукас.

– На пару часов?

– А давай!

Лукас выудил кошель из кармана, сунул руку...

На ладони лежали медяки.

– Чтоб тебя! – выругался Изморозь. Кошель с серебром остался в «Башмаке», под половицей, в комнатке на конюшне.

– Что-то не так? – подняла бровь хозяйка.

– Нет, все так, – ответил Лукас, – просто перепутал. Или забыл. Не знаю даже, что точнее.

Изморозь расстегнул свой пояс – хороший, боевой, пол живота защищает от неожиданного удара. Дернул за неприметную ниточку у застежки, распарывая один из тайничков. Мерк свежей чеканки. Еще не истерся, гуляя по жадным пальцам и глубоким карманам.

– Ого... – Русалка облизала губы. Язык у нее длинный, розовый – совершенно не идущий ни к волосам, ни к платью. Юной пастушке подошел бы скорее... Но хоть видно, что живой человек, а не нелюдь колдовская, для погубления мужескаго полу выведенная коварной ведьмою! – Ты меня прямо удивляешь, дорогой друг!

– Да уж, недешевый... – Лукас протянул золотой с огромным душевным напряжением.

– Не беспокойся о сдаче, принесу до последнего медяка. Мы, сиверцы, не обманываем своих.

– А свои для вас те, у кого водятся деньги?

– Ты умен! – улыбнулась Русалка. – Впрочем, к чему пустые разговоры? Посиди, посмотри. Когда вернусь, скажешь, которая понравилась больше. Света сейчас станет меньше. Или ты любишь видеть все?

Лукас пожал плечами. Ему хотелось трахаться и пить. Наличие или отсутствие освещения волновало в последнюю очередь.

Русалка упорхнула, позволив еще немного насладиться зрелищем своей задницы. Свечи, действительно, начали гаснуть. Осталась гореть одна из трех.

Лукас поднялся с дивана, снова плюхнулся на него, чувствуя, как неохотно прогибаются пружины. Попадетса жируха, еще раздавит! Хотя, в таком месте и жируха? И за такие, бесы подери, деньги?!

На лестнице раздались легкие, почти невесомые шаги...

Дверь, незакрытая хозяйкой, чуть приоткрылась. В комнату вошла, вернее, впорхнула светловолосая невысокая девушка в тончайшем платье – яркий свет из-за спины обрисовал фигуру до мельчайших подробностей. Девушка повернулась, давая возможность рассмотреть себя со всех сторон.

– Сюзи, – прошептала она и тут же выскочила из комнаты, только подол взлетел. Лукасу Сюзи весьма понравилась! Он таких вот всегда любил, аккуратненьких, но грациозных. И этакая невинность, что ли, мелькнула.

Следом заскочила следующая. В таком же платье, похоже, бывшем тут рабочей одеждой. На этот раз, темноволосая, почти брюнетка. Повыше, поухватистее – ткань на груди вот-вот лопнет!

– Маттэ! – шепнула она и вышла. Без ненужной суеты предыдущей.

Третьей Лукас ждал рыженькую пышку – логика устроителей читалась влет!

Но угадал только цвет. Огненно-рыжая, словно фенек.

– Лисси! – ага, и имя под стать. Явно ненастоящее. Зато никак не пышка, очень даже стройненькая. Чем-то неуловимо напоминающая Марселин...

Лукас сместил рыжую на первое место.

Интересно, какой будет четвертая?..

Она оказалась с очень темной кожей и копной косичек, торчащих во все стороны. Мулатка?! И здесь?! Тоже стройная, очень фигуристая...

– Стефи, – лукаво улыбнулась она ошалевшему Лукасу. Зубы показались нереально белоснежными на фоне почти черных губ. Интересно, как будет выглядеть член в их обрамлении?..

Четвертая так же быстро покинула комнату, оставив Изморозь в совершенно расстроенных чувствах, прислушивающимся к стуку множества молоточков в висках и тяжелому стуку в груди...

– Так какую тебе хочется сильнее, мой дорогой друг? – Русалка бесшумно оказалась напротив Лукаса. Точно, волшебство!

– Даже не знаю, – признался Изморозь. – Наверное, тебя. Но ты-то явно стоишь дороже.

– Намного, – кивнула Русалка. Ситуация ее явно развлекала, – но если не я, то кто?

– Если Стефи, то это будет дороже?

– С чего бы цене меняться? У нас твердая такса, согласованная в магистрате, и у господина Фуррета.

– Ну она же... – Лукас не смог подобрать нужных слов, поэтому лишь неопределенно помахал.

– У нее не поперек, – хихикнула Русалка, прикрыв рот непонятно откуда взявшимся веером. Над тканью блеснули смеющиеся глаза. – Жди, сейчас девушка придет. Ей захватить пива или вина?

– Лучше просто воды, если это не запрещено магистратом и господином Фурретом.

– Нет, магистрат только за. Алкоголь толкает на всякие глупости.

Русалка вдруг подмигнула:

– Просто воды?.. Ты мне нравишься все больше и больше, дорогой гость!

Стефи не заставила себя долго ждать. Дверь она толкнула задом – руки заняты подносом с двумя кувшинами.

– Один с пивом, один с водой. Хозяйка сказала, что ты отказался от вина. Обычно мужчины пьют вино, когда трахаются.

Девушка поставила поднос на крохотный столик возле дивана, закрыла дверь на щеколду – та клацнула, будто взведенный затвор цагры [тяжелый боевой арбалет]. Шагнула поближе к Лукасу, который так и сидел на диване. Закружилась по комнате, в некоем подобии танца.

Изморозь встал, подшагнул к ней. Крепко схватил за тугую зад, сминая ткань:

– Раздевайся, девочка. Пока не сорвал. Будет жалко, оно красивое.

– А я красивая? – очень серьезно спросила Стефи, стягивая платье через голову. На плюхе остался только невесомый поясok из дюжины ниток разноцветного бисера на бедрах. Да еще две зеркально-одинаковые татуировки, спускающиеся от ключиц к грудям. Непонятный орнамент, весь изломанный четкими жесткими линиями, совершенно не идущими к прочей ее округлой женственности.

Стефи взвесила груди на ладонях, показала мужчине язык

– Да, ты очень красивая...

Лукас начал стягивать с себя одежду, путаясь в штанинах и рукавах. Чуть не упал.

Стефи наблюдала с многообещающей улыбкой. Какие же у нее глаза...

Наконец Изморозь справился с гардеробом, встал совершенно голым перед девушкой. Стефи внимательно посмотрела на Лукаса, погладила вздыбившийся член.

– Ого, а ты большой!

– А хули ж ты хотела?! – прохрипел он.

Схватил девушку за талию, бросил на диван, навалился сверху. Стефи цепко ухватила его за член, направила туда, где мокро и горячо...

– А ты плохой парень, – жаркодохнула ему в ухо, быстрым язычком пробежала по шее...

В жизни Лукаса как только не называли: и говном, и мудаком, и сволочью, и ебанным подонком. А вот плохим парнем, да еще в такой ситуации... Никогда!

Изморозь дернулся пару раз и кончил.

– Тьфу, ты, пакость какая...

– Ого! – радостно прошептала Стефи. – Как ты меня сильно хотел!

Лукас не успел толком отдышаться, как девушка змеей выбралась из-под него.

– Перевернись и не думай ни о чем. Тебе еще меня трахать, плохой парень!

Горячий рот охватил опавший вроде бы член. Язык начал работу...

Лукас смотрел надвигающийся затылок. Понемногу возвращалось желание, а за ним и возможность. Стефи это тоже ощутила – ей-то вообще не сложно заметить! Девушка подняла взгляд, улыбнулась Изморози, поднялась и, не спеша села на него. Стефи ритмично двигалась сверху. Стонала, закидывала голову, заставляя грудь казаться еще больше... Лукас обхватил ее за бедра. Занятно! Кожа другая не только на цвет, но и на ощупь. Не сказать, что неприятная. Наоборот! Но не как у людей! Чуть плотнее, что-ли?... И запах! К запаху чисто вымытой и очень возбужденной женщины примешивался какой-то иной аромат...

Перед глазами прыгали небольшие, но очень аккуратные и красивые груди. Соски как смородинки. Мелкие и черные.

Веса в девушке почти и не было, но почему-то вспомнился некстати, гимн Пантократору, в этих краях, скорее всего, неизвестный:

Неси же бремя человека
Среди племен чужих
Без усталы работай
Для страждущих людей -
Наполовину бесов,
Настолько же детей.

Лукас гладил девушку по спине, бокам, гладкому животику, постоянно натыкаясь на бисерный поясok. Защелкнутый на крохотный замочек на пояснице. Поясок раздражал. Лукас как-то привык, если уж ласкать, так везде, не сбиваясь на звякающее украшение.

– Сними.

– Не могу, – мотнула головой Стефи, – потом... не... застегнуть... рассыпется!

– И хрен с ним, раз так...

Лукас откинулся на подушку. Они со шлюхой отражались на потолке, выложенном кусками зеркал. Изморозь засмотрелся. Двойное удовольствие! И смотришь, и участвуешь!

Впрочем, даже это не отвлекало от жажды... Во рту с каждым мигом становилось все суше и гаже.

– Стой, девочка, стой! – попросил Лукас разошедшуюся Стефи. – Мне бы воды...

Та мгновенно остановилась, смахнула мелкий пот, потянулась к столику, не выпуская мужчину из себя. Грудь коснулась пересохших губ...

Холодная вода показалась даром небес. Пролилась водопадом, освежая иссушенное тело. Почувствовав прилив сил, Лукас перевернул Стефи на спину, закинул изящные ноги на плечи, рывком вошел в ойкнувшую девушку...

Минут через десять Изморози надоело. Он по-прежнему двигал тазом туда-сюда, иногда чуть подкручивая, чтобы достать до потаенных местечек, хватал ртом торчащие груди... Но все не то. Страсть и желание ушли...

Так же, рывком, Лукас вышел из девушки, слез с дивана, пошел к умывальнику, шлепая по полу босыми ногами.

Перевернувшись на живот, Стефи внимательно наблюдала, не говоря ни слова.

Лукас вернулся, оставив за собой цепочку мокрых следов. Тут тепло, быстро высохнут. Присел рядом, погладил по шелковистой коже. Да уж... Вроде и член стоит, как ни в чем не бывало, но как-то все не то. Скучно.

– Ладно, дорогая. Пойду я...

Стефи нырнула рукой под диван, вынула маленькую клепсидру – и как принесла незаметно? Или очередной местный фокус? – судя по ней, и часу не прошло.

– Ты заплатил за два. Я тебе не нравлюсь, да?

– Нравись, – Лукас ткнул пальцем на член, – Ему тоже очень нравишься, видишь, как поглядывает на тебя, так и влез бы поглубже.. Но надо идти.

– Забыл что-то важное?

Изморозь немного помолчал, размышляя, чтобы ответить:

– В общем, да. Что-то забыл. Вспомнить бы еще, что и где...

И начал одеваться. Стефи его примеру следовать не спешила. Так и лежала, наблюдая. Внезапно произнесла:

– Ты не плохой парень, прости. Ты хороший парень, которому досталась не его жизнь.

Лукас криво усмехнулся, застегивая пояс. Надо же, как забавно получилось! Философствующая черная шлюха! Хотя ничего удивительного. Что еще делать, когда лежишь на спине, таранишься в зеркальный потолок, а на тебе пыхтит вонючий урод? Только размышлять. И выдумывать красивые фразы.

– Может и так, – спорить не было ни сил, ни желания.

– Прощай, большой хороший парень. Я буду молиться за тебя. Честно! – произнесла Стефи, когда Лукас переступал порог. Он остановился на миг, дернул головой, и пошел вниз. Не оборачиваясь. Надо же, «будет за него молиться!». Все шлюхи так говорят! Или не все?..

Внизу никого не было. Невидимка, впрочем, за Лукасом наблюдал – когда он подошел к калитке-двери, та распахнулась.

Улица встретила предутренней свежестью и розовой полоской неба над рекой. По небу ползли редкие облака...

На перекрестке, как раз напротив мокрого пятна, оставленного Лукасом час назад, все та же повозка «ночного извозчика». И он тоже на месте. С ехидной ухмылкой на бородатой роже.

– Привет, счетовод! Ну как тебе «Русалка», как тебе Ди?

– Кто-кто?

– Ди. Так зовут владелицу «Русалки». Высокая такая...

– Стройная, с синими волосами. Ты уже говорил, а я видел.

– Ну так вот, – нисколько не смутился «ночной», – ее зовут Ди. Разве не представилась? Странно! Уж такому известному счетоводу могла имя и назвать.

– Ой, да иди ты нахер, – отмахнулся Изморозь, – тебе вот, с утра делать больше нехуй, кроме как издеваться?

– Угадал, нечего, – пожал плечами извозчик, усмехнулся. – Могу отвезти туда, где подобрал, раз уж тебя тут не ждут неисправленные счета.

Тааак! Сдача с мерка! Зажулили! Лукас охлопал себя по карманам. Глухо звякнуло в потайном, на ноге. Не понял?! Изморозь лихорадочно зашарил, вытащил содержимое. Серебро было туго замотано в колбаску, как раз по размеру тайничка. Снова волшебство?

– Шлюхи, они такие! Особенно в «Русалке». Садись, счетовод. Много не возьму, вижу, что потрагился.

Лукас молча ссыпал сдачу с золотого в кошель, метнув пару медяков «ночному» в лицо. Тот, конечно же, монеты поймал.

– Давай к «Драному Башмаку», не доезжая квартал, остановишься.

– Поехали...

До нужного перекрестка доехали в молчании.

– Бывай, друг! – махнул Лукас на прощание.

– Удачи, счетовод! – отсалютовал хлыстом извозчик, и повозка покатила дальше, завершая свой ночной маршрут по улицам Сиверы.

Изморозь медленно добрел до переулка, выводящего на кабак... И остолбенел.

Возле «Башмака» толпилось с пару дюжин стражников. Размахивали руками, тыкали пальцами, что-то обсуждали. Звучало «убили», «вырезали к херам», «поножовщина» и прочие, совершенно не радующие слова с привкусом свежей крови. Хуже всего, что в словах стражи звучала неприкрытая радость. Справедливо! Рейни достал многих...

Распахнулись двери. Из кабака вынесли носилки, накрытые окровавленным полотном. Под холстом угадывалось тело. Еще одно у входа, распростерто на брусчатке. Фуззи или Вуззи? Ого! Беднягу грохнули коротким копьём, да так, что острие насквозь прошло и попало меж камней, пришив тело к мостовой.

Лукас перевел взгляд на второй этаж. Чудом сдержал вопль. Из окна, с выбитой рамой – словно катапультой жажнули – свисала Иветт, повешенная на собственной косе. Из распоротого живота свисали кишки причудливой гирляндой.

Изморозь попятился. Не хватало сейчас только попасться на глаза стражникам!

В спину больно ткнулся клинок.

– Только не ври, крысеныш, что ты здесь ни при чем, – жарко дохнула в затылок Марселин. – Ты слишком вовремя ушел, чтобы быть ни при чем.

– Будешь смеяться, но я действительно ни при чем, – ответил Лукас, понимая, что девушка ему не поверит. – Ты мне в спину тычешь вилкой или чинкуэдой?

– А тебе не все равно, крысеныш? До печени всяко достану. Но... – убрала вдруг оружие Марселин.

Лукас потер спину рукой, еще не веря, что, кажется, еще малость поживет. Обернулся.

– От тебя бабой прет. Сладкой неместной бабой, – разъяснила воительница. – Аж завидно, какой сладкой! Растай, Изморозь, и понадежнее. Беги к Йоржу или Мастеру. Или просто беги, и подальше. Не хочу, чтобы еще и тебя убили. Обидно будет остаться одной в этом сраном городе.

Глава 2. Мера цемента, четыре меры песка...

Хото проснулся чуть свет. Привычка! В Сивере лето долгое – две трети года. И лучше вставать еще затемно, чтобы к рассвету добраться до рабочего места. Потом три-четыре часа работы, и солнце забирается на небо. И начинает со всей дури жечь и печь.

Тогда собираешься, идешь раскаленными улицами домой, а после долгого обеда, снова на работу... Ну или спишь в тени, прям у дома, на котором идет работа. Дурацкий график, дурацкий город, дурацкая погода...

Сегодня смысла в столь раннем подъеме не было. Но к привычке добавилась еще одна веская причина! Хото было очень хреново. Нельзя мешать вино с пивом, а потом запивать кальвадосом! С другой стороны, возможно, вся беда в вяленом мясе, которым заедали пиво? Торговец специально так перцу много всыпал, чтобы забить залежавшуюсядохлятину! Точно! Надо встретить и набить рожу. Или зарезать. А может, дело в тех сырных печеньях?

Ой, да ну это все к бесам! В голове гудел колокольный набат, во рту сухо как в раскаленной печи, а опухшим языком, словно лизали весь прошлый день разогретый асфальт на крыше...

Не открывая глаз, он зашарил вокруг постели. Левая рука нащупала кувшин, судя по весу, не пустой. А правая нащупала гладкий и горячий бок, явно женский.

Так, а бабы-то откуда?.. К бесам вопросы, сперва пить!

Ухватив двумя – одна могла и подвести, Хото поднял сосуд. Скосил глаз. В кувшине было пиво. Теплое, выдохшееся, с мелкой мошкаррой, нападавшей за ночь, но все равно пиво. Выхлебав половину, Хото, опять же на ощупь, осторожно поставил кувшин на пол – не хватало еще разлить драгоценный резерв! Снова откинулся на мокрую от пота подушку. Тело всячески протестовало против любой деятельности, а от мысли, что днем надо быть в квартале Мечников, становилось вовсе уж паршиво. Но обещал, мяур их за жопу покусай! Надо и закончить фасад, который, в общем, еще и делать не начинали, и два новичка ждут обучения...

А потом, нужно идти к Бубо. И в который раз напоминать о долге. Хороший долг, выдержанный. Тянется еще с прошлого года полудохлой змеей. И что хуже всего, деньги за фасад и обучение новичков, похоже, что вчера пропиты. Если не подчистую, то близко к этому.

Перед глазами замелькали воспоминания вечера.

Все, как обычно и бывает, начиналось невинно! После тяжелого, но плодотворного рабочего дня банда решила испить по паре пивка. Не более! Нет, только по паре, продолжать не будем! Ни в коем случае! Все помним, чем прошлый раз кончилось! Нет, нет, нет...

За парой пива пошла еще пара. Потом, совершенно случайно, и как бы между делом, еще. Затем путь вывел на Стрельбище, извечное место гулянок молодежи, которая статусом болталась между “мозолями” и богатыми. Когда-то, здесь, действительно, было стрельбище. Стояли мишени, соревнования проводили, все такое... С полвека назад его забросили, и как-то, сам собой, тут получился парк. Больше похожий на лес, конечно. Но чтобы уединиться, лес куда выигрышнее! Хото видел настоящие парки – мерзкая прозрачность! Нигде не укрыться от чужих взоров!

Там было выпито еще по паре пива, затем появилось вино, после замелькали вокруг девки. Белошвейки вроде бы?

Хото повернул голову, разлепил глаза. Приподнял простыню... Точно, та, черноволосая, с крохотным шрамом на пояснице. А как ломалась, как ломалась! Не хочу, не буду! Я не такая, жду извозчика...

Потом Ойген упал под куст и сказал, что будет теперь жить здесь, потому что до дому он не дойдет. С ним вроде остались две? Или три? Ну, Ойген большой, на нем и три поместятся, если плотно лягут...

Затем бутылка кальвадоса? Или две?.. Черноволосая пила, смешно проливая грушевый дистиллят на блузку. Мокрая ткань обрисовывала грудь во всей красе.

Первый раз случился на дороге, у забора. Доски скрипели в такт, а за забором надрывалась гиена. А потом они пошли к Хоту, допив по дороге. И на втором заходе провалились в сон. По крайней мере, он точно.

Девушка заворочалась, застонала.

Хото нагнулся на пол, стараясь резко не дергаться – иначе возвращалась лютейшая головная боль. Кружка нашлась быстро – этакой скалой в обрамлении волн из содранной наспех одежды.

Нацедив пива, Хото погладил незнакомку по плечу.

Та вскинулась.

– Не ори, дура! – протянул кружку. Девушка вцепилась в нее, осушила в несколько судорожных быстрых глотков.

Хото забрал пустую посудину, вылил остатки из кувшина, протянул черноволосой. Но та лишь испугано вытаращилась:

– Ты кто?

– Догадайся.

Девушка смешно наморщила нос:

– Слушай, а не помню. Вот хоть убей, не помню.

– Убивать точно не буду, – покачал головой Хото, – я тебя полночи домой тащил, полночи любил по-всякому, а теперь – убивать? Неа, не дождешься.

– Любил по-всякому? – протянула девушка. Откинула простыню, провела ладонями по телу, особое внимание уделив груди. – Знаешь, все равно не помню. Наверное, плохо любил, не старательно. Но, мы можем повторить, возможно, память и вернется.

– А чего бы и не повторить? Вот вообще не вижу препятствий. Ни малейших!

Препятствия все же нашлись, но тонкое, и легко сдвинутое в сторону.

Оба новичка ждали на перекрестке, меж Обуховским проездом и Кинжальным переулком, как и договаривались. Переминались с ноги на ногу, смотрели на лениво ползущее по небу солнце, прикидывали, когда оно пересечет линию шпиля магистраля...

Хото выходить не спешил. Успеется! Сперва надо к ребятам присмотреться. Высотная работа, она чем-то похожа на добрую схватку двух рот. Не полков, не тот масштаб. А вот, когда рота встает против роты, там все чуть иначе. От каждого бойца зависит многое. Один человек может и спасти положение, может и виртуозно обгадить. Так что, лучше иметь представление заранее, кто на что способен.

Первый, высокий, не по-местному, светловолосый, чем-то похожий на Ойгена в молодости. Второй – примерно на ладонь ниже – где-то как Хото ростом, получается – куда темнее, явно сиверянин. Первый – неспешный, даже чуть замедленный. Явно будет неплохим отделочником на больших площадях. Вывесил такого, и пусть себе болтается до темноты, знай только ведро с раствором подавай. Второй на месте устоять и минуту не способен – так и прыгает с места на место, словно бретер с наскипидаренной задницей. Такой от монотонной работы взвоет. Зато можно свалить быструю и опасную работу. Там где надо ужом преодолеть выступающий карниз, нырнуть вниз головой или работать где-то на куполе церкви, куда и вылезти-то целая история.

Сработаемся? Да хрен их знает. Там видно будет.

– Доброго вечера, уважаемые!

Хото шагнул к новичкам со спины, из-за выгоревших под жаркими лучами кустов.

«Уважаемые» повели себя, как и ожидалось. Светлый, не спеша, с достоинством повернулся. Темный подскочил, будто шилом пораженный в жопе.

– И вам, доброго вечера, мастер! – протянул руку светловолосый, – мы знакомились, но это было давно.

– И спяну, – гоготнул Хото, и пожал ладонь, – тебя, помнится, зовут Анри, а твоего молчаливого товарища – Фэйри?

– Именно так, мастер!

Хото скривился:

– Так, говорю сразу: «Мастером» и прочими уважительными словами вы меня называете, исключительно в тех случаях, когда я вас не вижу. Когда хвастаетесь девкам, мол, работаем с самим Хото Высотой, мастером из мастеров. Или когда рассказываете доверчивым родителям, что ваш командир пропил ваши честно заработанные деньги. На крыше, на стене и в кабаке, я для вас – Хото. Можно – Высота. Как удобнее. Договор?

– Договор! – оба новичка заулыбались.

– Вот и славно, вот и хорошо. А теперь, пошли наверх. Точнее, полезли...

Огромным минусом этого заказа на восстановление штукатурки, обсыпавшейся от старости и прошлой хреновой работы было то, что хода на крышу из дома не было. А ломать потолок хозяин – странный человек! – категорически отказался. Соответственно, чтобы попасть на крышу, надо лезть по старой лестнице, прислоненной к стене. Оттого и пришлось искать легковесных работников – лестница была старше дедушки заказчика, и немилосердно скрипела, трещала и охала даже под нетяжелым Хото. Под Ойгеном она бы рассыпалась ко всем мяурьим хвостам. Так-то, старый друг без работы не останется – надо же кому-то отгонять праздных зевак и следить за материалом – чуть отвернешься, сопрут.

Но сегодня планировалась такая пристрелка, не более. Посмотреть на новичков, показать им самое простое, спуститься пару раз – благо, сроки не поджимают, а хозяин, чувствующий за собой вину за опасный выход на крышу, обещал до конца работы завязать глаза на все происходящее. Получив такое необдуманное обещание, Хото тут же испытал лютное искушение закатить на доме пьянку, с привлечением половины Стрельбища. Но перегибать, разумеется, не стоило.

Первое испытание оказалось сложным, как ни странно, для Фэйри – парня ощутимо трясло в ритме, перекрывающим дрожь лестницы. А вот Анри влез без труда, не торопясь, ступенька за ступенькой.

– Приходим в себя, вытряхиваем штаны, осматриваемся, – скомандовал Хото, когда все трое оказались на верху.

Пока парни бродили по крыше, то и дело перегибаясь через край, нервно хохоча и подкалывая несмешными шуточками, Хото вытащил из-под наваленного в углу мусора, здоровенный тюк из вытертой парусины. Его он затащил на крышу еще позавчера, сразу после получения аванса. Оно, всегда убедительнее, когда на будущем рабочем месте сразу оставляешь снаряжение – заказчики куда легче расстанутся с денежкой. Понимают, что ты вернешься еще минимум один раз.

– Ну что, пора знакомиться с будущим оружием, которым будет завоевано много серебра, а если повезет, то и золота?

– А если не повезет? – уточнил Анри.

– Если не повезет, то тебя отшкребут лопатой с брусчатки, сложат в мешок и закопают.

– Сомнительное будущее, – впечатлительного Фэйри передернуло.

– Поэтому, на ворон не смотрим, девкам в вырез не заглядываем. Как завещано предками, вам надо учиться, учиться, и еще раз учиться!

– Всегда готовы! – слажено, будто репетировали, гаркнули новички.

– Ну раз готовы, то приступим!

На развернутом полотнище лежали три беседки – широкие кожаные пояса со множеством пряжек и пришитыми к нижнему краю ляжками для ног. На пояса были нашиты петли, из все той же парусины – на животе толстенная, из дюжины слоев. По бокам – на половину тоньше.

– Надеваем, надеваем! – поторопил Хото. И, подавая пример, взял одну из беседок. Самую вытертую, покрытую разноцветным узором из штукатурки, грунтовки и разнообразнейших красок. Куда там радуге!

– Летопись работ, – Высота ткнул пальцем в рисунки, – если заморочиться, можно восстановить года на три назад, что делали и чем. Вообще, положено стирать и все такое... Но никогда не успеваешь. То пьянки, то девки, то пожар в борделе.

– Серьезно, – протянул Анри.

– А то!

От разогретого асфальта одуряющее несло жаром. Скорее бы осень! Хрен с теми дождями, хоть не жарко. Денег-то, всяко заработано с запасом, дождливо-снежный сезон пересядет без труда. Главное, пить не начинать...

Хото содрал липкую рубаху, кинул к разложенному снаряжению, придавил карабином, чтобы не унесло порывом ветра – бегай потом, лови ее по дворам! Не через каждый забор можно безнаказанно перелезть. На ином – еще и штанов лишишься, превратятся в лохмоты.

– Ого...

Так, понятно. Парни увидели татуировку. На спине у Высоты раскинул черно-красные крылья огромный стенолаз, больше похожий на диковинную бабочку, чем на птицу. Ох, и долго же бился Грифф над рисунком! Еще жара стояла дикая – куда хуже, чем сейчас – спина мокрая, дико чесалась...

Высота повернулся к замершим новичкам:

– Вы еще скажите, что первый раз видели человека с рисунком на коже? Решу, что вы лгуны, и брошу на крыше. И денег за учебу не отдам! Не говоря уже о работе!

– Скажи, а что надо сделать, чтобы получить право на такое? – округлил восторженно глаза Фэйри. Впрочем, что парень туповат, Хото понял давно, еще когда договаривались об обучении. Что ж, не зря придумано, что ученик платит за учебу сразу...

– Не так уж и много, на самом деле, – начал загибать пальцы Хото, – сперва, разумеется, перетрахать всех давалок со Стрельбища.

– О! – вскинулся Фэйри. – С этим-то легко! Я там и Лилиту утешлял, и кучу других.

– Лилиту все трахали, она не считается, – не удержался Высота. – И кто с Ботэ шалил, пусть не гордиться. Ее тоже все заваливали.

– На то они и давалки, чтобы их на траву заваливать, – с умным видом констатировал Анри. А у Хото мелькнула мысль, что, возможно, оба ученика, не блещут разумностью. Впрочем, белобрысый может умничать и от волнения.

– Кроме тех, еще с десятков точно, – скромно признался Фэйри. – Поменьше, конечно, чем у Лутре...

– Счет господина Лутре не перебить, как ни старайся. Разве что командный счет вести... Ну то ладно. Тогда, значит, сразу ко второму пункту переходим, – кивнул Высота. – Он, с одной стороны посложнее, с другой – полегче.

– И что же сделать надо, ма... Хото?

– Выкрасить яйца бронзовой краской и пару месяцев так проходить. Она ничем не отмывается, и сходит только с кожей. Конечно же, можно совмещать оба пункта, чтобы не затяги-

вать. Главное, девчонок не напугать, а то слухов потом не оберешься. Решат еще, что подхватил что-то хитрое.

– С бронзовой сложнее, – задумался Фэйри. – Но у меня есть немного свинцовой. Как думаешь, подойдет? Тоже ведь, металлическая?

Хото с Анри заржали одновременно:

– Ну ты, бля, и клоун, – прохрипел светловолосый, когда сумел разогнуться. – В цирк, к жонглерам!

– Не ту профессию выбрал, действительно, – поддержал Высота, – на сцене тебе не было бы равных, играй ты Стражника!

Стражник во всех представлениях бродячих цирков, персонажем был, мягко говоря, своеобразным. А говоря по-человечески – тупым и невезучим. Оттого Фэйри сразу насупился, готовый с кулаками кинуться на обидчиков.

Хото поспешил разъяснить – не хватало еще ученику в первый час работы бить морду...

– Как заработаешь, чтобы оплатить работу, можешь хоть стенолаза набивать, хоть мяура с крыльями, а хоть голую бабу, с вооот такими сиськами!

– Честно?

– Я с тебя уже деньги взял, зачем обманывать еще раз?

Отсмеявшись, принялись за учебу. Сложного-то, не сказать, что много.

Веревку к чему надежному привязать, не забыв про контрольные узлы – да проверить, чтобы надежное, таким и было не на вид, а на деле – а то было пару лет назад, когда кирпичная печная труба поползла по крыше. А Хото, соответственно, пополз по стене. С каждым мигом ускоряясь. Тогда Ойген спас, ухватившись ручищами за веревку, да уперевшись ножищами в парашют... Ух и весело тогда было! Штаны, правда, выкинуть пришлось.

Вторую веревку тоже не забыть привязать! А то всякое бывает! Сориентироваться, туда ли вообще их скинул – это сперва делать надо, но как получится. И длину, соответственно, чтобы до низу хватало.

Ведь когда кончик веревки вдруг вылетает из спусковухи, ты, соответственно, падаешь вниз... Нет, самому везло. Но тот же Ойген, к примеру, жопой в грядку вошел, рухнув с третьего этажа. Помяв все цветы, и подломив спину.

Беседку нацепить, под себя подогнать, пряжки все подтянуть. Проверить «усы» – короткие концы, встегнутые в центральное кольцо беседки. Впихнуть толстую, в два пальца, веревку в «рыбку» – хитрый зажим, намертво стопорящийся при рывке – это дополнительный шанс, если что.

Вторую веревку – в железку для спуска – стальную восьмерку, с большим, раза в три большим, чем нижнее, кольцом, с рогом сбоку.

В нижнее кольцо карабин, потом лечь на живот, перекинуть ноги через край, нащупать пальцами стену, упереться в нее, и потихоньку переносить вес, пока веревка не натянется полностью.

Теперь можно и спускаться!

Главное, все делать медленно, с подробным объяснением каждого движения. Новички с первого раза все равно не запомнят, но на пятое-шестое повторение, можно будет и самим доверять. Следя, разумеется, за руками, чтобы вовремя огреть по затылку, и не дать самим себя убить.

Сложнее всего в профессии стенолаза вовсе не сама работа.

Дюжину мешков цемента и песку на крышу поднять не сложно. Кликнул на помощь «береговых» [местный аналог бичей], кинул им пару медяков на опохмел. Они и тебя поднимут на руках, бережно, словно бесценную фарфоровую вазу.

К высоте и ощущению пустоты под ногами и под задом тоже привыкаешь. Не сразу, постепенно... Потом так во вкусходишь, что ломает будто с похмелья, если долго не висишь.

Сама работа, тем более, не сложна! Два шпателя – ладонный и малолуктевой [по ширине рабочей кромки. 10 и, соответственно, 30-40 сантиметров], ведро с раствором, ведерко с водой, да стена. Ее с земли видно не особо, можно не выглаживать особо, не выделяться “под свечу” [в нашей реальности – “под лампочку»] не ровнять.

Сложнее всего – это с заказчиков деньги за работу получать. Вот тут свои тонкости. Малоприятные.

Приходи завтра! Сегодня сложный день, пойми! Я еще и в карты проигрался очень сильно! Кредиторы в жопу колючую акацию суют, а тут ты еще! Да отстань, потом, завтра, нет, послезавтра! А лучше – никогда, войди в положение!

Глава 3. "...а крови – сколько смесь возьмет!"

– Анри, чтоб тебя дикобразы любили! Или ты их! Ты что делаешь?!

Белобрысый высунул нос над парапетом, скосил взгляд на ругающегося мастера:

– Раствор! Ты же сам сказал, что мне рано на веревки...

– Ты понос делаешь! – для убедительности, Хото зачерпнул раствор шпателем, поднял. Темно-серая жижа стекла обратно в ведро, не задержавшись на полосе металла.

– А ты чего ржешь?! – развернулся Высота к висящему рядом с ним Фэйри. Черпанул уголком инструмента по краю ведра, метко швырнул кусок раствора в новичка. Попал точно в лоб. Чернявый уронил свой шпатель в ведро, схватился за пораженное место, размазал по лицу...

– Сам такой же рукожоп! Тряпкой вытри! Глаза выест к херам!

– Хото! – заревел снизу Ойген, прервав очередное нравоучение.

Высота, оттолкнулся ногой, крутнулся в воздухе, развернувшись спиной к стене, вызвав завистливый вздох, что у Фэйри, что у Анри.

– Чего надо? Денег нет!

– У тебя всегда нет! Тут с тобой поговорить хотят.

Стоящие рядом с Ойгеном крепкие парни замахали приветственно руками.

– Говорите откуда стоите. Мне и так слышно!

– Мастер Хото, – крикнул один из парней, – вы лучше слезайте!

Высота понял, что, действительно, лучше спускаться. Все равно работать не дадут. Еще начнут дергать за веревки. Ойген начнет их бить, они начнут отмахиваться. К делу подтянутся зеваки... И начнется пожар на тонущем плавучем борделе в шторм.

– А то что? Подниметесь ко мне?

Анри храбро свесился с крыши, высунув не только нос, но голову целиком:

– Если полезут, то мне как, лестницу отпихивать?

– Бить лопатой по башке, когда залезут! – рыкнул Хото. – Не чуди. Это стража.

– Тем более! Мастер, можно я на них хоть мешок уроню?

Хото сунул оба шпателя в ведро, прицепил его к рабочей веревке, болтающейся рядом, на расстоянии вытянутой руки:

– Забирай, роняльщик!

Анри потянул груз наверх. Ведро чиркало краем по стене, в смесь сыпалась крошка. Высота покачал головой – раствор будет проще выкинуть, чем снова пускать в дело. Можно, конечно, снять верхний слой... Но смысл? Стража вряд ли явилась пожелать хорошего дня, или уточнить, почему нынче «резанный лист» на Стрельбище. Нет, дело куда серьезнее. И, что уж тут, опаснее.

– Так, ты тоже давай вниз, – приказал он замершему Фэйри, ждущему мудрых указаний. – Не спеша, медленно. Успеешь еще веревки пожечь.

Сам же Хото, конечно, не собирался следовать своих же указаниям. Он же их не себе давал!

Скинув оба огона с «рога», Высота ослабил хватку... И полетел вниз, затормозив веревку в спусковухе буквально в паре локтей над землей. Так, чтобы «падение» закончилось эффектнее.

Один из стражников удивленно охнул.

А что вы хотели, ребята? Не с лесов штукатуров гоняете, к мастеру пришли. Хоть и не на поклон.

Высота отстегнулся от веревки, стараясь не коснуться разогретой быстрым спуском восьмерки – ожог схлопотать легче легкого!

Затем собрал обе веревки, отвел в сторону, придавил подходящим камнем – ветер поднимется, побьет свежую работу – не сдать потом такой орнамент даже самому непритязательному заказчику.

Стражники терпеливо ждали. Иногда, впрочем, оглядываясь. За ними стоял Ойген, похлопывающий по ладони «усом» с тремя карабинами. Убойнейший кистень в умелых руках, но при этом, совершенно законный. На аудиенцию к бургомистру не пустят, а так, гуляй смело.

– И что надо?

– Мастер-стенолаз Хото Норден, прозвищем Высота?

– Нет, блядь, разведчик с Островов! – вызверился Хото на стражника, решившего не вовремя соблюсти правила.

– Вас просит на разговор господин Фуррет.

Вот тут-то Высота и удивился...

Господин Фуррет занимал множество должностей, охватывая власть в Сивере с обеих сторон. С одной стороны, он был Капитаном Стражи, с другой – был человеком, на которого работали, или которому отстегивали часть прибыли все сукины сыны этого раскаленного города. Так уж сложилось, что Фуррет был самым опасным среди них.

На углу дома стояла обычная карета для перевозки заключенных. Впрочем, судя по тому, как она просела – не совсем обычная. Или внутри Высоту ждет полдюжины дюжих дознавателей с полевым пыточным набором и малой жаровней.

Однако внутри кареты Хото ждал только господин Фуррет. Без телохранителей и дознавателей.

– Привет, мастер! – кивнул Фуррет стенолазу, и махнул рукой стражникам, свободны, мол!

– И вам доброго дня, гранд мастер! Как поживаете, как здоровье дражайшей супруги? – с такими людьми излишняя вежливость никогда не бывает лишней.

– Вашими молитвами, – кивнул владыка города, и указал подбородком на сиденье напротив себя, – есть разговор, Хото Норден, по прозвищу Высота. Залезай.

Хото оглядел себя. После двух спусков, да жидкого раствора, что все никак не удавался у Анри, стенолаз в штукатурке был весь. Кроме, наверное, задницы и части спины – да и то, сверху капало, могло и там задержаться. Потом посмотрел на обивку кареты. Бархат цвета перезрелой малины. Недавно перестеленный, еще не вытертый в ногах и не засаленный в головах.

– При всем уважении, господин Фуррет, но я бы предпочел разговор на свежем воздухе. Вон и лавочка подходящая, в теничке.

– Залезай, – повторил Фуррет. Тон его не менялся, по-прежнему оставаясь очень даже дружелюбным, но спорить Хото не рискнул. А то закинут вперед башкой, да еще и руки свяжут.

Дождавшись, пока Высота усядется, гранд мастер сложил руки на груди и произнес:

– Догадываешься?

– О чем? – удивился Хото. Удивился искренне. Интересы господина Фуррета были столь разнообразны, что угадать направление его мыслей представлялось совершенно невозможным.

– Разумеется, о многом. Но сначала, о событиях в Бурштынном квартале.

– Он большой, происшествий там тоже много... – задумчиво протянул Высота. В данный момент, стенолаз был занят тем, что незаметно отколупывал кусочки засохшей смеси с беседки, растирал пальцами и рассыпал под ногами.

– Такое происшествие, как ты выразился, на прошлой неделе стряслось всего одно-единственное, – веско, четко проговаривая каждое слово, произнес Фуррет.

– Ааа... – разочаровано махнул рукой Хото, не упустивший возможности сыпануть еще немного пыли, теперь уже на стенку кареты. – Это разве происшествие? Зарезали нашего Бубо, да подожгли его дворец. Дело житейское. Мелочь, можно сказать! Не стоящая внимания самого господина Фуррета! Я-то думал...

– Мне плевать, что ты думал, – отрезал Фуррет. – Бубо порезал на куски стенолаз.

– Или трубочист, – фыркнул Хото. – Что такого нашли ваши стражники, гранд мастер, что указывает именно на стенолаза? Там валялись карабины или его забили насмерть восьмеркой? Или на стене осталась надпись кровью: «Миня убил до смерти проклятый стинолас!». Куски веревок не считаются, мы их выбрасываем после полусотни спусков. На каждом углу можно найти обрезок.

Или остались свежие следы от тех же самых веревок? Если бы кто-то залез сверху, то на песчанике остались бы пропилы от веревок? Нету? И что от меня-то хотите? Кто-то убил, поджег, а потом вылез в окно.

– Ты так яростно отрицаешь, что мне начинает хотеться поверить в твою причастность.

– Тьфу на вас три раза, уж простите на дурных словах!

– Люди говорят, что у тебя была с ним ссора не так давно. Невыплаченный долг, тянувшийся с прошлого года. И ты как-то спьяну орал, что не простишь, и обязательно его зарежешь. Хото засмеялся.

– Господин Фуррет, вы серьезно? Тогда обвиняйте меня еще в массовом извращенном мужеложестве, потому что я иногда ору на своих оболтусов, что «ебать вас в голову, уроды?!». Мало ли что можно ляпнуть в рабочем угаре, а уж тем более, выпив? Что же до долгов... Бубо был подрядчиком двадцать лет. Из денег, что он не выплатил работникам, на его могиле можно сложить отменный курган. Кто-то не выдержал.

– Например, ты.

– Господин Фуррет! – буквально взвыл Хото, – да вы издеваетесь, что ли?! Бубо – редкостная сволочь, и мое сердце его гибель совершенно не огорчает. Но я же мирный человек! Курицу убить не могу! Хлеб с закрытыми глазами режу, чтобы слезы от жалости не пошли.

Фуррет несколько раз свел ладони, изображая аплодисменты.

– Хото, мне не надо врать. Я же пришел не как враг. Сказки про хлеб и куриц, будешь рассказывать своим поблядушкам на Стрельбище. Ты был Ловчим. И под птицей на твоей спине – крылатый мяур с огненным мечом. Ты убил народу больше, чем живет в этом городе.

Высота посерьезнел лицом, наклонился доверительно к Фуррету:

– Позвольте, гранд мастер, признаться?

Фуррет, не сдержавшись, потер руки:

– Позволяю.

Оглянувшись на стражников, что стояли у кареты, и внимательно наблюдавших за Ойгеном, Хото наклонился еще ближе:

– Господин Фуррет! Ваши дознаватели позволяют себе греховные утехи в глаза и уши, отчего страдает их взор и остатки ума! Все страсти, что вы мне тут рассказываете, это все некий доппельгангер, позаимствовавший у меня внешность и харизму! Или не притворщик, а мой потерянный троюродный брат! Я, если хотите знать, от службы откупался. Надо мне та служба? Я и так при профессии и работе! И про партак – брехня! У Грифа спросите, что я чистый был, до его работы!

Фуррет, дождавшись окончания тирады, легонько щелкнул Высоту в лоб:

– Врать не хорошо. Я сказал все, что хотел сказать, и услышал все, что хотел. Сделай выводы. Ты мне как сын, но я всегда могу усыновить кого-то еще.

– Да понял я, понял!

Хото умудрился в тесноте кареты грохнуться на колени, поцеловать Фуррета в колено, обтянутое шелковыми чулками. Естественно, при этом, засыпать всю карету штукатуркой.

Дрожащими руками, Высота полез за пазуху, вытащил кисет, в котором лежал серебряный грош. Еще более дрожащими руками, Хото протянул монету ошалевшему от такого напора Фуррету:

– Примите, господин гранд мастер, как дар за заботу!

– В жопу себе засунь! – грубо ответил господин Фуррет, отстраняясь от свихнувшегося стенолаза.

Хото тут же перестал паясничать, сел обратно:

– Простите, гранд мастер, но вынужден отказаться. Я же с Севера, а там ваших южных развлекашек не понимают. Увы, консервативны мы, и отстали...

Фуррет только головой покачал:

– Ты себя в зеркало видел, «северянин» хренов?

– Внешний вид, – нравоучительно поднял грязный палец Высота, – сие лишь наносное. И судить по нему, признак поверхностного ума, в чем, вас, господин Фуррет, я заподозрить и не смею! Вы видите во мне всего лишь южанина, а я вижу перед собой честного уставшего человека, которого вусмерть достало приставать к другим честным и уставшим людям с глупыми вопросами. Но что поделать – служба!

Фуррет открыл дверь, указал на нее Высоте:

– Окажи мне последнюю услугу, исчезни.

– С превеликим удовольствием, – откланялся Хото.

Фуррет выдохнул с некоторым облегчением, когда проклятый стенолаз все-таки выбрался из кареты. И тут же увидел, что случилось с обивкой. Все поверхности, которые соприкасались с проклятым настенным штукатуром, были покрыты тонким слоем белесой пыли.

– Хото, мать твою! – не сдержавшись, Фуррет высунулся из окна. – Ты что мне тут натворил?!

– Я же предупреждал! – развел руками Высота. – И предлагал поговорить на лавочке. А вы со своей секретностью все носитеесь и носитеесь! Будто окружающие не знают, где вы ночуете раз в два дня!

Стражники дернулись было к наглецу. Но у того в руках сам собой появился нож, а за спиной коротко, но весомо свистнул импровизированный кистень Ойгена.

Господин Фуррет поморщился, махнул рукой, поехали, мол.

– Что хотели?! – кинулись к нему с расспросами новички, не успел Хото и на крышу подняться.

– Перепутали, – отмахнулся Высота. Второй раз пересказывать разговор, да еще и людям, по большому счету, случайным, ему не хотелось. Да и совершенно бессмысленное действие.

– Стража! – веско произнес Анри. – Их всех в детстве обижали, забирали игрушки и все такое. А как подросли, так им и бабы давать не стали!

– Это да, – поддержал товарища Фэйри. – Неудачники криворукие! Пошли в стражники, чтобы по улицам бродить, да отвлекать честной народ от работы!

Хото поднял двумя пальцами пустой кувшин:

– Так, честные люди, а что вообще происходит, не хотите ли мне объяснить? Почему это вы не на веревках, а воду хлещете?! Охренели?

Для убедительности, Высота схватился за мотыжку, которой Анри мешал раствор. Перебросил секущей частью назад, огрел дровком по спине одного и второго.

– Мы за тебя волновались! Честное слово!

– Волновались они... – зарычал Хото, замахиваясь снова.

– Мы уже полезли, полезли! – заверещали новички.

Снизу обидно заржал Ойген.

Стена из дикого камня, высотой в шесть локтей[местные «локти» – около 45 см. Ярды, соответственно – 90 см. Лига – около 4 км] могла стать препятствием разве что для полупарализованного слепца-сифилитика. Ну или завсегдатая дорогого кабака, с огромным брюхом и пальцами-сосисками.

Даже начинающий стенолаз перескочил бы такую в пять движений. Хотю начинающим был лет пятнадцать назад, ему хватило трех – подпрыгнуть повыше, зацепиться за край, подтянуться...

Высота сел на крышу, ухмыльнулся, оценив ухищрения хозяев – стена поверху была обильно украшена вмурованными черепками от битой посуды. Незнающий, с размаху заскочив на стену и сделав бы выход силой, рисковал вспороть живот или порезать руки. Но Хотю догадывался, к чему надо быть готовым. Оттого запас толстые перчатки и осторожность. Впрочем, любой стенолаз, если хочет стать не храбрым, а старым, должен всегда помнить об осторожности.

Хотю посидел немного, оглядывая будущее место работы. Сад, точно одеялом, укутало непроглядной темнотой. Лишь светился уголок окошка домика привратника. Прямо-таки скворечник, курятники и те больше делают! Жаден хозяин, ох, жаден...

Хлопнула тяжелая дверь «Русалки», выпуская очередного клиента. Тот выскочил, затравленно оглядываясь по сторонам. Высота пригляделся. Заржал втихомолку. Надо же, какие люди! Кто бы мог подумать, что и капитан порта лечится от душевных ран, нанесенных холодностью супруги! А ведь со своими барышами мог бы и вызвать прямо на службу. Стеснительный какой! Ну хоть не цепляет по кабакам, вкус есть!

Высота прицокнул языком – как-то довелось провести ночку с той, в честь которой назван бордель. Есть что вспомнить, есть! Рассказывать, правда, нечего – Ди просила не распространяться. А когда просит такая женщина, лучше прислушаться.

Ладно, о хорошем – в хорошее время. Сейчас – время рабочее.

Хотю отвязал от пояса тонкую бечевку, втащил наверх тучок со снаряжением, что лежал у стены. Тут же спустил во двор, перекинув бечевку через один из металлических штырей, что дополняли черепковую защиту. Вот и пригодился – через него куда удобнее регулировать скорость спуска, чем через ладонь. Да и легче. Снаряжения взято немного – в притык. Но все равно выходило как бы не с полпуда – на вытянутой руке такой вес неудобен.

А вот на чистоте хозяин не экономит! На выложенных плиткой дорожках ни веточки, ни листика! Очень удобно, ничего не хрустнет под ногами.

Высота проскочил на тылы дома. Входные двери всяко закрыты, можно и не соваться. Бурыштинный квартал считался местом тихим и безопасным, но все же не настолько, чтобы забывать про засовы и решетки на окнах первого этажа.

В Сивере все дома строились по одному ранжиру, различаясь в деталях и мелочах отделки. Глухая сторона, обращенная на Юг – солнце немилосердно даже к привычным к вечной жаре местным. Ровная крыша – снег тут выпадает ровно на полдня, а после тает. Вода же, редких (разве что осенью затягивает посерьезнее) дождей уходит по сливу, расположенному по центру крыши – не идеально ровной, а чуть опущенной к жерлу водостока. И, конечно же, люк, чтобы попадать наверх из дома. А то ведь по наружной лестнице не налазишься, да и на стенолазах разоришься!

Рядом с домом рос гигантский орех, посаженный, наверное, еще покойным прадедушкой хозяина. Раза в три выше дома! Как же он, наверное, осенью заваливает двор листьями... И водосток забивает ко всем местным свиньям!

Хото закинул тючок за спину, белкой взлетел на дерево. Пробежал по могучей ветке, мягко спрыгнул на крышу. Ветка распрямилась, освобождаясь от тяжести человека, приподнялась на локоть... Хото коснулся пальцами коры – достать легко. И это хорошо, мало ли каким путем придется уходить. Впрочем, улети она на пару его ростов ввысь, тоже не беда. Уж как вниз-то спуститься, любой стенолаз придумает.

Высота прошелся по крыше. Остыть она не успела – ноги так и припекало. А ведь еще разуваться...

На всякий случай, потянул крышку люка. Разумеется, ничего не вышло. Но попробовать-то он был обязан!

Подошел к краю, перегнулся... Ага, а вот и то самое открытое окошко. Так-то и закрытое не стало бы неодолимой преградой – тонкий нож в щель, и сдвигаешь защелку. Но в открытое, в любом случае, заходить проще. Хоть какая-то польза от проклятой жары!

Высота развернул тючок, присев у края крыши. Неодобрительно покосился на невысокие перилыца, шедшие по парапету. Дернул. Вроде крепко стоят, не треснутые... Но нет, ну их! Был случай, когда перекинул веревки сверху, а дерево взяло, да и не выдержало его тяжести. Взяло и треснуло. Хото пролетел пару локтей и чуть не обосрался от испуга. Еще и руки потом до вечера дрожали, пришлось граппой отпаиваться – кальвадос не брал...

Хото пропустил веревку под перилами, отмерил, откладывая на парапет. Нужно ровно столько, чтобы конец болтался чуть ниже подоконника. Прикинув еще раз, Высота добавил еще на размах рук. Темнота, она скрадывает очень хорошо. Когда веревка вдруг кончается, и ее конец, вылетая из спусковухи, хлещет по воздуху, испугаться не успеваешь. Больно становится потом. Если выживешь, конечно. Так что, лишним запас не будет.

Оставив отмеренную бухточку лежать на перилах, Хото завязал противоположный конец за два основания перил – лучше не жалеть, а две точки приложения сил всегда надежнее одной. Высота был старым стенолазом. Потянул. Ну вроде держит, не ползет.

Снова подошел к краю, примерился. Вроде как все хорошо. Ну что, приступим... Натянув беседку, Хото сложил полегчавший тючок, закинул за спину. Встегнулся восьмеркой, выбрал слабинку. Свободный конец веревки заправил за пояс беседки. А то приспичит хозяину подойти к окну среди ночи, полюбоваться звездами. Увидит болтающийся конец, дернет внезапно... Получит, конечно, на голову шматок свежего говна от испугавшегося стенолаза. Ну и все дело пойдет гиене под хвост.

– Чуть не забыл, дурная башка... – Высота хлопнул себя по лбу, разулся, оставшись в матерчатых носках. Оставлять на белой стене отпечатки обуви – не самый умный поступок. А от носков разве что мокрые пятна ненадолго будут – жарко, высохнет моментально. Легкие короткие сапоги он сунул в тюк, к снаряжению, притрамбовав кулаком – не должны вывалиться.

Коротко выдохнув, Хото перевалился через край. Утвердился ногами, глянул вниз, в темноту. Скинул огон с рога и потихоньку пополз вниз, не спеша перебирая ногами. Закрепленная на поясе веревка висела кольцом, постепенно уменьшаясь. Оказавшись рядом с приоткрытым окном, Хото остановил спуск – веревки хватало, еще пара локтей точно – не ошибся с расчетами. Примерился, оттолкнулся левой ногой, чуть отпустил веревку... Его буквально внесло в окно. Встал на подоконник, пригнувшись, чтобы не разбить голову о верхний откос. Веревку потащило в сторону. Хото наклонился вперед, балансируя, чтобы не упасть спиной назад.

Выстегнулся, слез с подоконника – ноги тут же утонули в густейшем ворсе ковра.

– Денег у него нет, акацию суют! – злобно проворчал Высота. Затем, ухватил покрепче веревку, изо всех сил пустил волну. С первого раза не вышло. Со второго тоже.

– Да чтоб тебя, – ругнулся Хото. Задача могла стать чуть сложнее – искать в темном доме выход на крышу, открывать изнутри, сматывать предательницу...

С третьего раза, петля все-таки слетела со столбиков – в который раз подумалось, что надо бы самосбросом обзавестись – удобно же! Хотю втянул прошуршавшую веревку, наскоро сбухтовал в «осьминожку» – так надежнее, когда впереди планируется много беготни.

После, стянул с плеча тючок. Развернув, уложил на парусину беседку, отцепив с пояса «пауни». Железка, для подъема по веревке, представляла собой этакую рукоять для дюссака, которая разу с гардой, из единого куска стали, но чуть иной формы. С загнутой под размер веревки краем и головкой со ступенькой под палец. Пригодится. Снова закинув потяжелевший тюк за спину, Хотю вынул из-под рубахи нож, до того висевший на груди. Нож невелик, клинок в ладонь, легкий намек на гарду, потертая рукоять. На вид – инструмент, не оружие. В рукояти ножики когда-то давно просверлено отверстие, через которое пропущена бечевка, лет пять назад еще красно-зелеая, сейчас же, неопределенно серо-черная.

Отсалютовав ножом своей тени, Хотю двинулся вперед. Расположение комнат он представлял примерно, но вряд ли оно сильно отличается от всех прочих богатых домов Сиверы, в кои судьба заводила Высоту.

Просторный кабинет был обставлен дорого, но безвкусно. Этакая неосознанная пародия на дешевый бордель с претензиями. Слащавая и разляпистая позолота, бархат где надо и где не надо, псевдозагадочный блеск шелка, дорогие свечи, дающие не только свет, но и благородный запах...

Посреди кабинета, на стуле сидел абсолютно голый человек. Высокий, худощавый, с узким лицом, по щекам побитым оспой. Смотанный по рукам и ногам нарезанной портьерой. Рот тоже закрывала полоска ткани, и его сдавленное мычание не могло бы потревожить и самое чуткое ухо.

На виске у связанного кровоточила свежая ссадина. Крохотные капельки крови падали на грудь, стекали на живот, закрашивая понемногу огромную татуировку – со всем тщанием вырисованного тарантула.

Человек дрожал. От холода ли, от страха... И казалось, что паук топорщит каждый свой волосок.

Хотю стоял перед связанным, скрестив руки. Молча. Стоял долго...

– Ну здравствуй, Бубо. Вижу, ты меня узнал.

Бубо закивал чаще, завращал глазами. Казалось, еще немного, и они вывалятся из орбит.

– Узнал, конечно. Что, сейчас будешь мне обещать, что вернешь все, до грошика? И мне, и всем прочим? Обещай, обещай, я весь в нетерпении... Нет, не хочешь? Понимаешь, что вера в твои слова не стоит и обрезанного медяка?

Высота снял с пояса «пауни». Оттянув головку, Хотю поднес железку к глазам Бубо:

– Видишь, тут нарезаны шипы. Догадываешься для чего? Правильно! Вверх эта штука идет легко, а вот вниз... Да, вниз идет очень неохотно. Собственно, для того и придумана, чтобы сугубо вверх.

Зайдя со спины, Хотю защелкнул «пауни» на мизинце Бубо.

– Это для ускорения принятия решения.

Резко и сильно дернул.

Бубо взвыл, подался всем телом, чуть не опрокинув стул.

Хотю с оттягом ударил его «пауни» по затылку.

– Команды «орать!» не было. И вообще, откуда паника? Кость-то осталась на месте. Всего лишь мясо ободралось. Нарастет новое. Наверное.

Высота вытряхнул окровавленные ошметки пальца на колени Бубо.

– Ну что, теперь приступим к серьезному разговору? И подумай, что будет, если ты заорешь? У тебя много пальцев. Понятно, что на пятом-шестом ты потеряешь сознание, а на десятом можешь и помереть от боли. Лопнет сердце, все такое. Но мне-то все равно.

Связанный мелко закивал. Под ним начала растекаться лужа. От нее тянуло мерзким запахом паники.

– Как-то ты спешишь? – брезгливо посмотрел на пол Высота. – Так бы с оплатой торопился, как сейчас. Или думаешь, что мне станет противно с тобой возиться? Так ведь ради благой цели, я и нос зажму... Поговорим?

Хото деланно примерился кулаком к виску связанного, ослабил кляп.

– Все отдам, все! Там, под полкой с кодексами! Там вытертый кирпич! Нажми! Два раза! Быстро-быстро! И третий – сильно, пока не провалится.

– Как сложно все у тебя...

Заткнув Бубо рот, Высота подошел к полке. Кодексы неодобрительно блестели золотом корешков. К бесам!

Нужный кирпич прямо таки лез в глаза. Ушел в стену после третьего нажима... Выдвинулся целый блок из шести кирпичей. Хото вытащил их до конца, с натугой отставил в сторону...

– Бубо, ты проклятый хомяк! Нет, ты даже не бобер! Ты, блядь, целая бобрячья фамилия в одном лице!

Высота покачал головой. Тайник превзошел его ожидания. Сколько тут, он даже не представлял. С полведра точно.

– У тебя хорошие заработки. Интересно, сколько тут нашего?

Бубо не отвечал. Лишь трясся, исходя на пот.

Хото подошел к нему вплотную, наклонился ликом к лицу:

– Над нами спят твои жена и дочка. Они у тебя красавицы. Особенно дочь. Сколько ей, пятнадцать? Не говори, разницы особой и нет. А жена... И фигура, и украшения! А в каком она чудесном платье вчера была! Желтое ей к лицу! Знаешь, был бы я такой сволочью как ты, их ждало бы сегодня много веселья. Запомнили бы на всю жизнь! Но так уж сложилось, что мне подобные развлечения претят. Уродился честным солдатом, а не штабной тварью. Уж прости, лишил тебя удовольствия слышать их крики. Они будут кричать потом. Не из-за меня. И в тех криках будут проклятия отцу и мужу, из-за которого все пошло куда-то не туда...

Высота развел руками, вынул нож:

– Слухи врут, Бубо. Я не Ловчий, и никогда им не был. Всего лишь загонщик. Очень внимательный загонщик. А теперь приготовься к боли, мастер Бубо. Она будет короткой, но ты ее запомнишь до конца.

Глава 4. Шкотовый узел

Дождевые капли неумолчно, час за часом, отбивали монотонную барабанную дробь команды «ко сну». С одной стороны, затянувшаяся непогода радовала. По мокрым крышам особо не побегаешь, да и любую смесь собьешь, не успеешь и накидать. Соответственно, на стены не полезешь, можно отсыпаться за долгие рабочие будни. С другой стороны, отсутствие работы вело к скуке. А когда Высоте было скучно, он начинал пить.

С неба лилось три дня. И столько же Хото пил. Чем еще заняться? И деньги есть, а идти куда-то... Нет, ни к чему! Ведь, куда бы ни пошел, все равно все закончится пьянкой. А потом – или ночевать где-то под столом, и наутро, мучаясь похмельем, тащиться домой? Проще нарезаться дома. Чтобы, если уж упал, так ползти недалеко.

За пару медяков сверху цены, местная дворовая мелочь сбегает куда угодно и принесет чего угодно. А за полдюжины – еще и родных сестер приведут, чтобы почтенный мастер вообще ни в чем не нуждался.

Но зачем звать баб, если пьешь в одиночку? Нееет! Если никого не хочешь видеть, то не стоит делать исключений. Потом станет еще хуже. Проклятая пустота в душе не затянется, как ни старайся. Сколько туда ни лей пива или кальвадоса. И сколько ни меняй женщин в постели...

Хото долго таращился на кубок зеленого стекла в дрожащей руке. Вина оставалось на глоток-два. Темно-красное, густое...

Вино, оно ведь почти как кровь. Даже запах чем-то похож. Так же резок, так же дразнит нюх, поднимая шерсть на загривке. И так же пропитывает одежду, стены, саму кожу...

По коридору тяжело пробухали шаги. Потоптались за стенкой. В дверь кто-то врезался со всего размаху – и сумел же разогнаться на трех шагах от стенки до стенки! С потолка упал кусок штукатурки, между дверью и кроватью. Обнажились планки основы. В воздухе повисла пылевая взвесь.

Высота от сдвоенной неожиданности дернулся. Скользкое стекло выскочило из пальцев. Хото поймал кубок над самым полом – еще чуть-чуть, и рассыпался бы дождь тончайших осколков по струганным доскам. Вино спасти не удалось, все выплеснулось, разлилось лужей причудливой формы. Будто упал со стены осьминог, распластал кровавые обмякшие щупальца...

– Открыто! – рыкнул Высота, оторвавшись от созерцания.

Кого бы ни принесли бесы, этот кто-то настроен решительно. А следующего удара потолка может и не перенести. Будет обидно умереть, если от свалившейся балки треснет череп. Как-то некрасиво получится, если помрешь в собственном доме, еще и так. От смерти уходил на войне, в пещерах, и на стенах... А тут раз, и все, лежишь – брызги во все стороны. И ногами дрыгаешь. Обидно как-то. И глупо!

В дверь снова ударили, с меньшей силой. С потолка закружилась пыль.

– Да мать вашу, – прорычал Хото, – вы в уши балуетесь на досуге?! Открыто! На себя потяните, мать вашу!

Наконец-то, стенолаз был услышан!

Дверь распахнулась, с грохотом ударившись о полки. «Железо» на них жалобно задрезало. Свалился «крабик», грохнулась сцепка карабинов, похожая на диковинную фалангу или сколопендру...

В комнату, пригибаясь – дверь-то невысокая, Хото макушкой чиркал, а как-то, по пьяни, и голову разбил – вдвинулись два человека-горы. Оба в одинаковых черных длиннополых эпанчах [плащ из промасленной ткани], под которыми, не таясь, тусклели кольчуги. В руках

у гостей были короткие копья с наконечниками, в руку длиной. Как раз в тесном помещении работать. Не длиннее меча-полуторника, но куда удобнее. И древки окованы – руби, старайся, только вспотеешь! А пока рубить будешь, толковый мастер в пузе десяток дырок наделает.

Тут же стало очень тесно.

Между верзилами протиснулся третий. Ростом копейщикам до плеча, и раза в три легче. Без оружия, если не считать кинжал на поясе. Господин Дюссак. Ближайший помощник господина Фуррета. Опаснее десятка ядовитых змей и умнее стаи сов. Если бы у Хото появилась возможность безнаказанно ткнуть Дюссаку в печень что-нибудь острое, стенолаз с удовольствием ткнул два раза. Сивера стала бы куда лучше!

– Привет, Высота! – поздоровался Дюссак, и кивнул на пролитое вино, – я всегда знал, что ты хорош, но ты оказался еще лучше! Самый быстрый убийца в Сивере! Мы не успели войти, а ты уже убил кого-то и спрятал тело! Кого ты убил и за что?

– Островного шпиона, – зевнул Хото, – кого же еще. Чего надо? В такую-то рань?

Дюссак зевнул ответно, прикрыв рот рукой в тонкой перчатке:

– Какая рань, Высота? Ты совсем уже допился? Порядочные люди задумываются о том, как бы отойти ко сну, ворота еще не закрыли, а ты уже ждешь рассвета!

Помощник господина Фуррета оглядел нехитрую обстановку комнаты – полки со стенолазным снаряжением, широкая кровать на низеньких ножках, пустые кувшины по углам, наваленная на пол куча грязной одежды и веревок, из-под которой выглядывала сабельная рукоять, выполненная как стилизованная драконья голова. Небогато живет мастер стенолаз, совсем небогато! Оружие не пропил, и то хорошо. А ведь мог!

– А чего мне еще ждать? – хмуро спросил Хото, исподлобья и очень пристально глядя на одного из верзил. Под мутным взглядом стенолаза тому стало не по себе, и он обильно потел.

Дюссак катнул сапогом кувшин, лежащий на боку.

– Мало ли чего можно ждать? Мир очень разнообразен, а замыслы Пантократора весьма затейливы. К примеру, можно ждать чуда. Которое, к твоему сведению, произошло.

Чуть выставив правую ногу, и приняв донельзя официальный вид, Дюссак продолжил:

– Господин Фуррет вспомнил про твое скорбное существование! Напоминал про долг и передавал, что был бы очень рад, увидев тебя в гостях.

Хото медленно обвел посланцев всемогущего Фуррета недобрым взглядом. Всем сразу стало неудобно. Господин Фуррет в Сивере заправляет всем и каждым. Но он далеко, а Хото, человек с пустыми глазами, налитыми кровью – вот, рядышком, руку протяни и коснешься. Если не отгрызет! Хорятина бешеная! Лопатой бы его по хребту!

Высота резко выдохнул, и весь как-то сдулся, будтодохлый еж, провалявшийся месяц на солнце и проткнутый рогатиной. И стал похож на обычного запойного пьянчугу, которых двенадцать на дюжину.

Верзилы переглянулись с явным недоумением. Простые их мысли читались влет. Настолько легко, что Дюссак их и затылком прочитал – вон, как скривился.

«И как мы, такие большие и сильные, могли заподозрить этого мозгляка-пропойцу в том, что он опасен хоть чуточку? Щелбаном с ног собьем, соплей надвое перешибем! И вспотеть не успеем! И чего с этим отребьем блаародные господа водятся? Блажь какая-то, не иначе!»

– Он ждет меня, как полагаю, именно сейчас? – вяло уточнил Хото, дернув заросшим подбородком в сторону окна. Дождь хлестал без передышки. Словно какой-то небесный великан нахлебался пива, достал свой великанский хер и заливал несчастную Сиверу... И лужи тут, странные, желтизной отдают. Неужели, правда? Даже как-то обидно сразу стало...

Громили снова переглянулись, на этот раз, с забавным торжеством – надо же, пьянь, а соображает! Уважает, стало быть, господина Фуррета! А кто его не уважает? То-то же!

Дюссак покачал головой – он, определенно, тоже слышал каждую скрипучую от глупости мысль подчиненных. Вон, как глаз дергается!

– Совершенно верно. Именно сейчас. Нас ждет карета сразу, за углом. Или боишься, что всего за двадцать шагов растаешь?

– Кхм... – протянул Хото, – целых двадцать шагов... – Высота ухватил первый попавшийся кувшин, в нем, на удивление, что-то булькало. Стенолаз двумя огромными глотками – громилы с некоторым даже уважением загляделись – выхлебал остатки, не глядя зашвырнул посудину под кровать. Под грязноватым пологом, спускающимся до самого пола, глухо стукнуло – явно не первый сосуд там оказался, укатившись по некрашеным доскам.

– Тебе нужна женщина в доме, – произнес Дюссак. – Свинарник развел, прям на загляденье.

– Думаешь, ей тут понравится? Да и заведешь одну, что делать с прочими? Выгонять? Не люблю обижать женщин.

Хото поднялся. Ноги дрожали как у старика, а левое колено отдалось острой болью, пронзившей до самого нутра.

– Тваааарь... – прохрипел стенолаз, начал заваливаться на бок, в падении схватился за ближайшего громилу, не успевшего отшагнуть. Тот только и успел, что вытаращиться.

– Спасибо, – буркнул Хото, кое-как утвердившись на ногах. Затем Высота склонился над кучей хлама в углу, покопался. На свет появился хубон [в нашем мире – испанская куртка века 16-17. Типичный пользователь – капитан Диего Алатристе из одноименного фильма], с прошнурованными рукавами, выглядящий так, будто его неделю драла стая медведей. Но зато с многочисленными серебряными пуговицами и вышивкой, тоже серебряной, на спине. Вязь обрисовывала силуэт стенолаза, повторяя татуировку. Да и шнуры были из золотой нити... Куртка одна стоила примерно как годовое жалование обоих стражников.

Накинув хубон, Высота с недоумением и надрывом спросил:

– Господа, нас ждет господин Фуррет, а мы тут прохлаждаемся! Доколе?!

И выскочил из комнаты, каким-то чудом просочившись сквозь плотный ряд гостей. Гости проводили его изумленными взглядами и кинулись следом. Толкаясь и мешая друг другу в тесном коридоре.

Хото шагнул на улицу и тут же об этом пожалел. Сволочной великан ждал именно его, чтобы прибавить мощи. Высота промок мгновенно.

Впрочем, до кареты он, несмотря на мокрую одежду, предпочел пробежаться. Дюссак последовал его примеру. У дверцы оказались одновременно. Заскочили внутрь, благо, оба отличались худощавостью, и застрять не рисковали.

Расселись друг на против друга, синхронно засмеялись. Ливень смысл с Дюссака недавнюю напыщенность, и они с Хото стали похожи. Не как братья, конечно – разница в возрасте немала, да и черты лиц разные. Скорее, как племянник и дядя. Друг друга весьма уважающие, но на людях это старающиеся не показать. Каждый по своей причине.

Притопали верзилы, оглушительно грохоча сапожищами по лужам. Прибежавший первым, заполошно глотая воздух, дернул на себя ручку.

Дюссак рывкнул в открывшуюся дверь:

– Пешком. Бдить. У нас секретный разговор.

И тут же стукнул локтем по стенке, на уровне своей головы.

– Куда? – раздался приглушенный водой и ветром вопрос.

– К «Якорю», – скомандовал Дюссак и захлопнул дверцу. В небольшое окошко виднелись рожи громил, захлопавших глазами. А на рожах удивление сменялось совсем детской обидой. За ней мелькнула злость...

– За что ты их так?

Дюссак стащил с плеч мокрый, а оттого прилипающий к рубашке кафтан, небрежно швырнул его на пол.

– За глупость и пренебрежение моими приказами.

– За глупость? – удивился Хото.

– Разумеется.

Вслед за кафтаном, Дюссак снял рубаху, оставшись в одних штанах. Выжал ее, до треска полотна. Морщась, накиннул.

– Высохнет быстрее, – пояснил Высоте. Хото кивнул понимающе – сам он повторять не рискнул. Ветхая рубаха, давным-давно переведенная в разряд домашней, а точнее даже, «домопынствующей» одежды, от такого обращения могла порваться на две части. А щеголять в одном хубоне на голое тело... Правила для стенолазов, конечно, не писаны – не бывает правил для столь рискованных людей. Но и рубаху жалко, и вообще не стоит лишний раз выделяться без веской причины. Ярмарочного шута не принимают всерьез.

– Я предупредил обоих придурков, что ты опаснейшая в этом городе тварь, к которой спиной поворачиваться нельзя в принципе. А они? – Дюссак разочарованно сплюнул в открытое окошко, сквозь которое залетали дождевые брызги. – Пробегутся. Глядишь, начнут думать головой хотя бы иногда.

– Зря ты так, – не сдержавшись, Хото чихнул, потом еще раз, – они у тебя большие и сильные, к чему им еще думать? Придатки к копыям. Во всех, разумеется, смыслах. А ты хочешь, чтобы они еще и головами работали. Много хочешь!

– Хочу, – Дюссак покачал головой, вытащил из кармана чистый, хоть и мокрый платок, – на, вытри сопли.

– Благодарю, – принял дар Хото и, высморкавшись, выкинул испоганенную тряпицу. Это Фуррету можно было бы ее вернуть. А вот у его помощника все плохо с шутками... Иногда делает вид, что их не понимает. – Не боишься, что от обиды ткнут шилом в бок?

– Хото, если бы я боялся шила, то остался в родной деревне, крутить хвосты коровам.

– Возможно, ты опасался их копыт? – предположил Высота.

– Возможно. Это было так давно, что некоторые детали сами собой забылись. И да, верни кинжал, что свистнул у мальчишки.

– Вычтешь из жалования. У меня такого в коллекции еще не было.

Экипаж медленно вскарабкивался по скользкой брусчатке крутой улицы, ведущей к порту. И к «Якорю» – резиденции господина Фуррета, и, одновременно, гостинице, кабаку, и самую малость, борделю – исключительно для друзей господина Фуррета. Или для врагов, которым находилось полезное применение.

Громадное здание с четырех этажами и безразмерном подвале, из которого, по слухам, тайные ходы вели по всей старой части города и позволяли проникнуть даже в древние выработки. Хото «Якорь» запомнился наблюдательной вышкой. Самая высокая в Сивере! Тридцать один локоть с половиною и парой зерен! Еще и флашток сверху, тянущийся к небу. Насчет зерен Высота особой уверенности не питал, но о локтях мог поспорить с кем угодно. Хото сам эту вышку и сооружал. Брус к брусу, доска к доске. Век простоит. Если не сгорит. Ну или если не начнется землетрясение или не придет из моря волна выше гор.

Высота заметил наблюдательную площадку вышки издали. На душе странно потеплело. Хото собой гордился очень редко, но данный повод требовал.

Дождь молотил по-прежнему, но без недавнего ожесточения. Или это оттого, что немного пригрелся и даже мокрая насквозь одежда не промораживала до костей. А ведь где-то позади, сквозь пронзаемые ветром улочки Сиверы, бредут копейщики. Хлюпают сапогами, набравшими влаги, чехвостят никчемушного стенолаза, который – вот же сука, за неведомые заслуги, едет в одной карете с командиром! И не просто едет, вот те зуб даю, винище хлещут! А они бредут! Пешком! Злые как сто бесов каждый. Умели бы проклинать, у Хото несомненно отросло бы с десяток хвостов, а голова приросла ноздрями к заднице. Ну и девки перестали бы любить и давать. И все в том же духе. Ругательства неумных людей унылы и однообразны...

Но все же Дюссак удружил! С униженными и оскорбленными обалдуями лучше в тесном переулке не пересекаться. Им не хватит смелости даже мысленно обвинить командира, решат отплатить Высоте. Или хватит смелости, но выручит соображение, намекнув, что Хото куда легче отомстить... У него нет дурной славы в их глазах. Стенолаз и стенолаз. Мелкий, тощий. Похмельный, опять же.

С другой стороны, Высота несколько тех верзил не боялся. Молодые, глупые. Этикие откормленные вариации на тему его поделльников Анри и Фэйри.

Дюссак, молча смотревший в окно, вдруг повернулся.

– Высота, знаешь, на кого ты сейчас похож?

– Удиви, – буркнул стенолаз, мысли которого ушли от страшной мести верзил к идее одолжить у господина Фуррета сухие штаны. Хотя бы на время разговора.

– Ты прям ворона. Из которой долго драли перья, а потом, недоошципанной, сунули в котел. А потом высунули.

Хото засмеялся:

– Иди ты на хер, Дюссак! Если я даже и ворона, то у меня есть крылья. И я точно сбежал из котла, раз уж оказался рядом с тобой. Кстати, откуда такие поэтичные образы? Ты что, спишь с той кудрявой актриской из «Ключа»? Она красит волосы, имей в виду.

Дюссак поперхнулся, отвел взгляд.

– Аккуратнее ты с теми актрисками. Они красиво скулят, но потом может выскочить сыпь.

Для пущей убедительности, Хото сунул руку в штаны, и начал с удовольствием чесаться.

– Переигрываешь, Высота, прямо хамским образом, переигрываешь! Тебе и медяшки не кинут даже на самой богатой ярмарке.

– Не сильно и хотелось, – тут же прекратил представление Хото, сел ровно, уставился на проплывающие мимо дома, – Но насчет опасности крашенных девок имей в виду, я тебя предупредил. А хочется извращений, так сходи к членодевкам. Только выбирай тех, кто хер бреет. Чтобы мандавошками не делиться.

Дюссак покрутил пальцем у виска, сплюнул трижды.

– Высота, ты, как вижу, ни хрена не протрезвел. Вот к чему это было?

Хото молча пожал плечами, все так же глядя мимо.

– Дождь, – сам себе ответил Дюссак, – все дело в дожде.

Глава 5. Встречная восьмерка

«Якорь» был безобразно велик, занимая целый квартал. На первом этаже располагался кабак. На втором – кабак попрличнее, куда всех подряд не пускали – за этим строго бдил усиленный наряд городской стражи. На третьем – гостиница на четыре десятка отдельных комнат и четырех кубриков – в каждый человек двадцать напихивалось, и даже не в пять слоев.

А на четвертом, между всем этим разнообразно слоеным пирогом и выгоревшим небом, располагался господин Фуррет. Выше него никого не было. Ну кроме пары наблюдателей на вышке и птиц. Но это не серьезно – каждый признавал.

С одной стороны, каждый день приходилось то подниматься и спускаться по несколько раз. А господин Фуррет давно перешагнул границы бесшабашной юности и зрелости, и который год приглядывался к старости, пробуя ее, будто ростовщик подозрительную монету. Старость отдавала затхлым привкусом во рту, шелканьем в коленях и болью в суставах.

С другой стороны, если кто решит прийти к господину Фуррету незваным, то этому храбрецу придется пробиваться сквозь три этажа, набитых людьми, словно бочка селедкой. Званный же, в этой толчее терялся листом в весеннем лесу, и никто бы его не запомнил и не заметил – много таких!

С третьей – на высоте не так воняло с улицы. И мухи с комарами залетали куда реже...

Хотя, на дворе такой дождь, что какие там мухи! Побоятся выбраться из тех нор, где пережидают непогоду. Не рискнут мочить хрупкие слюдяные крылышки...

Фуррет отвернулся от окна:

– На чем мы остановились?

– Наш разговор прервался на возвышенной ноте. Мы знаем друг друга не первый год. И все такое.

В дальнем углу кабинета, в кресле, прислоненном к одной из труб водостока, по которой сейчас с шумом бежала дождевая вода, сидел старик. Седой. Нет, даже белый! Старость настолько старательно выедала любые краски из его волос, что они стали белоснежными, точно у альбиноса. Только у альбиносов белизна яркая, заметная, а прическа старика отдавала тусклостью.

Но глаза искупали бесцветность седовласого. Серые, с черными пятнами – будто гиенья шкура на них пошла, удивительным образом, угодив под веки.

Старик был огромен. Даже сидя в глубоком низком кресле, он смотрел на Фуррета сверху-вниз. У кресла стоял старинный рыцарский меч в ножнах, прислоненный к стене. Оружие казалось таким древним, что могло принадлежать еще прадеду старика. А то и деду прадеда. Такие «полуторники» вышли из моды полтора столетия назад.

Отполированная частыми прикосновениями проволока на рукояти блестела даже в полумраке кабинета. Старик касался меча левой рукой. Нежно, будто любимую женщину, разлука с которой даже на миг больно ранит сердце.

– Да, – продолжил беловолосый рыцарь, – мы знакомы уже не первый, и даже не второй год. И каждый раз, когда я поднимаюсь по бесконечно длинной лестнице, борюсь с желанием послать тебя как можно дальше. Что, такой влиятельный тип как ты, не может соорудить достойный кабинет для встреч со старыми друзьями на первом этаже? Там и наливают быстрее, и жизни больше. А то сидишь тут как паук!

– Мне больше нравится сравнение с драконом, – улыбнулся Фуррет.

– Да хоть с морским огурцом, – безразлично хмыкнул старик. – Ты умный человек, Фра, но твоя главная беда в том, что ты слишком любишь все красивое. Поступки, слова...

– Кому что, Бьярн, кому что. Кто-то больше жизни любит деньги, кто-то власть, ну а мне нравится все красивое. Имею я право?

– А еще ты любишь делать вид, будто ты мудрец, проживший десяток жизней.

– Мало ли! Воля Пантократора непредсказуема, и он вполне мог перекидывать мое сознание из человека в человека. Надо же как-то набираться опыта и знаний!

– Тоже верно, – кивнул Бьярн, – тоже верно. В знаниях сила! Не зная как зажечь факел, можно до конца жизни проплутать в лабиринтах, так и не увидев света солнца... Так зачем ты меня звал, Фра? К чему эта спешка, запыхавшиеся гонцы, загнанные лошади, недовольные женщины? Никогда не любил бросать дело на середине. И да, за кем ты послал Дюссака в такой дождь?

Фуррет присел в соседнее кресло, обхватил подлокотники, выполненные в виде могучих медвежьих лап.

– Сегодня ты удивительно многословен.

Бьярн вместо ответа пробежал пальцами по гарде своего меча, изображая жонглера на канате. «Жонглер» запнулся на четвертом шаге, упал, зацепившись пальцем-рукой, сорвался, размахивая конечностями. Фуррет с интересом наблюдал за представлением.

– Так что случилось, Фра?

– Этой ночью убили купца с Островов. Парень обмывал удачную сделку, пошел в порт, и по дороге ему медленно перепилили шею тупым ножом. И отобрали все деньги.

– Последнее для островного страшнее всего, – задумчиво ответил Бьярн, покачал головой. Белая грива делала его похожим на старого льва.

– Я бы сказал, что равнозначно.

– И кто же этот пустоголовый храбрец? Имя известно?

Фуррет откинулся на спинку кресла, внимательно посмотрел в окно. Подвигал челюстью, будто пережевывая какую-то горечь.

– Кто именно резал островного пока не выяснили. Впрочем, я и не требовал уточнить. Кто-то из шайки ублюдков Рэйни.

– Рэйни... – повторил старик. – Знаешь, у него даже имя противное – на языке привкус как с похмелья. Такого, когда вино запиваешь, чем покрепче, а потом блюешь полночи. И это отвратительное имя в связи со всякими отвратительными поступками, я слышал. И не раз. А вот лица не помню совершенно.

– Это, старик Бьярн, называется старостью! – хохотнул Фуррет.

– Так я и не стараюсь выглядеть молодым. Не закрашиваю седину, не завожу юных любовниц, годящихся во внуки, не распускаю слухи о том, что могу раз десять за ночь, – начал ехидно загибать пальцы Бьярн.

– Такая должность, – сокрушенно произнес Фуррет, – чтобы ей соответствовать, я должен казаться сосредоточением жизненных сил и прочей ярости. Этаким фонтаном силы и вулканом страстей. Чтобы ни одна, даже самая храбрая мышка не смела и носа сунуть в мои закрома!

– «Вулкан страстей», – фыркнул Бьярн. – Идея ясна, но признай, что иногда это выглядит... – старик задумался, подбирая нужное слово, – да, выглядит забавно.

– Вернемся, действительно, к делу, – поморщился Фуррет.

– Вернемся, – не стал спорить Бьярн. – Каждый сходит с ума по-своему. Если тебе нравится такой вариант... Ну кто я тебе, чтобы осуждать. Это Рэйни, как понимаю, стоит поперек горла. И ты хочешь, чтобы его не стало. И как можно быстрее. Притом, ты не можешь действовать ни как стражник, ни как... никакими другими официальными способами.

– Если коротко, то да. Рэйни наглый глупец, не соблюдающий правил и думающий членом. Хорошего можно сказать мало – платит вовремя.

– И все?

– И все.

– Кхм... – протянул Бьярн, – достоинство весомое, но не в этом случае. Убить всех?
– Можешь кого посимпатичнее и пожалеть разок, если хватит сил и времени. Но потом убей. Островные не прощают убийства своих. Особенно такие наглые. Могут принять за вызов. Сам понимаешь, нужно показать, что власть в Сивере тверда, и отступники караются быстро и жестоко.

Старик медленно кивнул, не выпуская Фуррета из виду.

– Понимаю...

– Думаю, они оценят такой жест и поймут, что случайности, на то и случайности, что происходят вдруг и внезапно. Островитяне жестоки, но не глупы.

– Им можно припомнить одного из тамошних дождей, недавно упавшего с моста на копья. Тоже ведь, как-то получилось. Совершенно случайно.

– Именно так, Бьярн, именно так.

Старик продолжил рассуждать:

– Но при этом, ты не можешь нагнать туда роту стражников, и всех тех выблядков переколоть? Отчего так?

Фуррет закрыл глаза, потянул носом, принюхиваясь.

– Не успеет приказ дойти до казармы, как стража получит другой – отомстить за смерть благородного господина Фуррета, злодейски заколотого неизвестным убийцей.

– Тебя не поймут прочие, – понимающе произнес Бьярн, – те, кто платит долю.

– Не поймут. Поэтому, шайку Рэйни должны вычистить люди, по большому счету, пришлые и случайные. Со мной прямо не связанные.

Бьярн расхохотался.

– Фра, ты серьезно? Да каждая гиена на сто лиг вокруг знает, что Белый Рыцарь в долгу у господина Фуррета! И если где-то мелькнула его седина, то все дело в делах все того же господина Фуррета! Думаешь, меня не узнают? Да хоть с ног до головы заматаюсь в ткань... Нет, Фра, постарел ты. Не я! Предлагаешь поучаствовать в рытье могильной ямы тебе же! Может, еще и пнуть напоследок, а?

– Слухи пойдут не сразу, – покачал головой Фуррет. – Несколько дней пройдет. Самым говорливым накинута петля на шею. Кому надо, тот узнает правду, но это произойдет не сразу, а очень и очень потом. И никто не будет искать второе дно по горячим следам. А спустя месяц ищется куда скучнее и без азарта.

– Второе дно?

– До Города дойдут слухи, что островные униженно просили моего разрешения на осуществление мести. Долго просили, ползая на коленях и целуя мне ноги. И я им помог. Дал десяток бойцов, упросил самого Белого Рыцаря поучаствовать. С крохотной помощью Хоты Высоты, кстати. Это за ним поехал Дюссак.

– Тебя погубит страсть к излишне красивым решениям, – прицокнул Бьярн. – Слишком сложно, слишком напыщенно. И Высота. Этот сумасшедший хорек, перемазанный кровью от носа до хвоста... Ты уверен, что я не откажусь? Идти на одно дело с этим...

– Не откажешься, Бьярн. Я же прошу как друг. Да и дело не только чистое, но и где-то даже благородное. Сивера станет лучше, если вы перебьете этих ублюдков. Ты и Хоты. И да, давай обойдемся без оскорблений. Хорьки, они весьма умны.

– Вдвоем со зверенышем... – Бьярн снова прицокнул, сделав вид, что последних слов не расслышал. – Но погоди! Нас же будет всего двое, а ты пообещал островным помощь десятка?

– Ну, во-первых, ничего еще не обещал. Во-вторых, десяток будет – надо же перекрыть окна от любителей прыгать и лишних свидетелей. А в третьих – разве вы не стоите с ним десятка бойцов?

– Я всегда думал, что стою полтора!

– Уговорил, старый бес! Люди будут говорить о пятнадцати!

- А лучше, сразу сотню, раз уж ты хочешь поторговаться по такому глупому поводу.
- Чем тебе плох повод? Мы зато посмеялись, а смех продлевает жизнь.
- Странно, – покачал белоснежной головой Бьярн, – никогда не любил смеяться, а пережил всех.
- Это Смерть посмеялась над тобой, не более того.

Наконец-то долгий подъем кончился. Карета остановилась под длинным и высоким дощатым навесом – и дождь с солнечными лучами остановит, и чужие глаза меньше разглядят. К дверце тут же кинулось два прихлебателя – еще один стражник стал чуть в сторонке, вскинув арбалет-цагру к плечу.

Однако! Дрогнет рука, и все! Хлопнет тетива, и тяжелый болт пробьет насквозь – разве что оперение из тонких дощечек застрянет в ребрах.

Хото уступил честь первым выходить Дюссаку – его знали в лицо, так спокойнее. Следом и сам спустился по короткой – в две перекладинки – лесенке. Стража явно ждала кого другого – рожи так и вытянулись. Но пригляделись к богатому хубону, слегка обмякли. Птицы низкого полета такой не заработают, да и побоятся на плечи накинуть.

– Наверх? – уточнил он у Дюссака, уже успевшего заметить какой-то непорядок и начавшего распекать подчиненных. Что не так, Высота не понял, но подзатыльники так и мелькали.

– Думаешь, лучше сразу в подвал? – прищурился Дюссак, оторвавшись от воспитательной экзекуции.

– Я там не был, вдруг что интересное. Или сундуки с золотом наш господин Фуррет хранит где-то в другом месте?

– Может, тебе еще и ключ от подвалов дать? От мертвого осла уши, мастер Хото! А нам, да, действительно, наверх. Не всю ты память пропил, молодец!

– Постоянство – первый признак мастерства! – многозначительно проговорил Высота, и, прочистив нос, громко харкнул в лужу, под ноги арбалетчику.

Тот дернулся, но тут же снова принял суровый вид цепной гиены.

Конечно же, наверх их повели не через главный ход – возле него как раз кого-то избивали – стадия разбитой морды уже прошла, и несчастного методично и вдумчиво забивали ногами насмерть. Рядом стояло два скучающих стражника, делая вид, что все так и надо. За углом нашлась неприметная дверца, настолько неприметная, что, не зная тайны, мимо пройдешь и не почешешься.

За нею обнаружилась лестница. Дюссак и Хото молча зашагали наверх. На каждом этаже их встречала дверь с небольшим смотровым окошком и парой хмурых верзил за нею. Верзилы были огромны, и явно умны – этикие откормленные кабаны, готовые в любой миг поднять вражину на клыки. Никакого сравнения с теми оболтусами, с которыми Дюссак приехал в гости. Нарочно таких безалаберных взял? Показывая, мол, с миром появился?

Лестница закончилась коротким коридором.

– Ну все, – выдохнул сквозь зубы Дюссак, – почти пришли.

– Почти – не считается, – поправил его Высота. И первым шагнул по знакомому пути.

Стены коридора были завешены плотной тканью. И за нею, Хото был готов голову дать на отгрыз стае мяуров, сидели бойцы в полной боевой готовности, с копьями в руках. Готовые при первом признаке опасности, сунуть длинное и хорошо заточенное перо в негодяйскую печенку. Словно в предчувствии стального жала, печенка судорожно задергалась. Во рту стало очень гадко...

Коридор, как и все предыдущие, кончился дверью – массивное сооружение – плечом не вышибешь, все кости переломашь.

Первым, что увидел Хото, войдя в кабинет господина Фуррета, стала гнусная ухмылка зажившийся на свете мумии. Стенолаз выругался.

Впрочем, Бьярна от вида Высоты тоже перекошило. Оба синхронно сплюнули.

Господин Фуррет и Дюссак, явно ожидавшие подобного, хохотнули.

– Вижу, вы друг другу очень рады, – хмыкнул Фуррет.

– Аж блевать тянет, – признался Бьярн.

Хото вежливо промолчал. Так показалось со стороны, разумеется. Стенолаз не на словах, а на деле боролся с приступом тошноты – в кабинете отчаянно пахло какими-то цветами и тому подобными благовониями. Высота и так-то запахи не особо переносил. А уж в нынешнем своем состоянии – пьяном похмелье – его и вовсе выворачивало наизнанку.

– Ладно, господа! – вымолвил Фуррет, внимательно глядя на позеленевшего стенолаза, – будьте добры, оставьте меня и мастера Хото на несколько минут. А ты, – оглянулся он на Высоту, – марш к окну! Заблюешь ковры, спишу в галерники!

Хото, не заставив повторяться, кинулся к приоткрытому окну, жадно начал вдыхать свежий воздух, очищая легкие от липкого аромата.

Бьярн долго и со вкусом выбирался из кресла, поминая наглых малолетних ублюдков, не знающих отца. Вот мать-то их, Бьярн знал лично, да...

Дверь мягко захлопнулась за спинами ушедших.

– Отдышался?

Хото обернулся:

– Не уверен, но вроде бы да.

– Вот и хорошо. Присаживайся, – кивнул Фуррет на освободившееся место Бьярна.

– Король умер, да здравствует король! – кисло пошутил Высота, но в кресло плюхнулся. – К чему такая спешка?

– Ты еще не понял? – Фуррет задал вопрос и чуть наклонил голову набок, внимательно глядя на Хото. – За тобой долг, мастер Высота.

– Я отдал все долги, мастер Фуррет. Уже давно.

Фуррет выдохнул сквозь зубы – вышло чересчур зловеще – будто гигантская рептилия в теле человека:

– Давай не будем кривляться. Бубо угробил именно ты. И плевать, что этот мудака задолбал всех и вся! И плевать, что он был должен, что тебе, что еще паре дюжин человек! Ты угробил хорошую дойную корову. Еще и спер добрый шмат говядины, испоганив часть остальной туши. Напомнить, что за такое бывает? И, повторюсь, мне плевать, что этого жадного подонка настигла в твоём лице справедливость! Высшая справедливость в моем лице лишилась изрядного процента дохода!

Хото молчал, внимательно изучая рельеф подлокотников кресла, особое внимание уделяя коротким когтям.

– Раз молчишь, значит, признаешь вину. И да, с семьей Бубо вышло нехорошо.

– Я предпочитаю божий суд в таких делах. В конце концов, и в борделях можно жить. Ты же держишь обеих для личного пользования, не вручил еще Ратту и его береговым крысам? И да, раз уж зашла речь о борделях и шлюхах... Раз тут сидел этот буйный старикашка, значит, надо кого-то убить? И этого “кого-то” много и правильной дракой не пахнет? Какая-то из банд решила, что господин Фуррет перестал ловить мышей? И надо осуществить показательную порку?

– Знаком человек по имени Рэйни?

– Человек? – фыркнул Хото. – Да это ходячая свинья, да простят меня честные и вкусные хрюшки за сравнение!

– Знаешь, – потер ладони Фуррет, – уже лучше! Можно сберечь полсотни слов.

Высота отмахнулся:

– Этого хряка все знают. Любит шалить на границе порта и «чистых» районов. В сам порт не лезет, опасается Ратта. Тварь та еще, и банду подобрал под стать. Но зачем я? Там хватит и седой развалины с десятком оборотов Дюссака.

– Нужна полная уверенность, что Рэйни не сбежит. И еще нужна жестокость. Настоящая. Чтобы содрогнулись, представив себя на месте подвергнутых. Кто, если не ты?

Хото тяжело вздохнул:

– А ведь этот день мне не нравился с самого начала.

– Трудный день, – согласился Фуррет, – но тебе, хотя бы, не отпилили голову.

– Возможно, это лучший вариант, – меланхолично проговорил Хото, – и вообще, господин Фуррет, не найдется ли у тебя горячего вина? Можно без пряностей. Я зверски продрог.

– Эй! – рывкнул господин Фуррет. – Вы, оба, за дверь! Хватит подслушивать! Заходите! Дверь тут же распахнулась.

– Дюссак, – скомандовал Фуррет, – не сочти за труд, свистни кухарям, чтобы принесли горячего вина, а то Хото изойдет на сопля и толку от него не будет.

Дюссак кивнул, шепнул одному из безмолвных стражников приказ на ухо, тот дробно ссыпался по лестнице.

– Ты так сказал, будто от него этот толк будет? – просопел Бьярн, топчась у входа – его кресло было занято. И мерзкий хорек вытирал свои грязные пальцы об его меч!

– Какой-то, да будет! – хихикнул Высота. Его начало знобить, а что в желудке творилось – и врагу не пожелаешь!

– Разве что на твоих соплях кто-то подскользнется и расшибет себе голову!

Хото лишь улыбнулся в ответ.

Кухари у господина Фуррета, что молнии! Раз, и перед Высотой стоит парящая кружка.

Стенолаз обхватил ее обеими ладонями – горячая глина приятно грела ледяные пальцы. Покосился на Бьярна – тот так и стоял у двери, не зная, куда себя деть.

– Раз уж судьба, в лице господина Фуррета, нас снова свела вместе, то какой у нас план, ветхобородый?

– Заходим и убиваем всех. Кто убежит, тех прихлопнут на выходе люди господина Фуррета. На тебе Рэйни и антураж, раз уж надо все обставить красиво. На мне все остальные. И остальное.

– И ты еще жив с такими продуманными и проработанными стратагемами? – покачал головой Хото.

– Мои планы трезво учитывают возможности всех сторон и трезвый взгляд на ситуацию. – Бьярн подшагнул, схватился за ножны, стал вытирать рукавом те места, которых могли касаться пальцы проклятого сопляка.

– Так бы и сказал, старик, что выпить хочешь! Дюссак, будь другом, озадачь кухарей на еще одну порцию! И себе возьми, заслужил!

«Судьбой рыцаря была война. И он принял ее с радостью. Рыцарь сражался всю жизнь. Дюжина битв и многие сотни боев. Погибшие друзья и убитые враги. Кровь на лице, своя и чужая.

А потом пришла старость. Она подарила седину, но забрала прежнюю силу рук и ясность взора. И рыцарь вспомнил, что родился он не из звона мечей и треска пожарищ.

И дорога его повернула к дому. Рыцарь не помнил, какой он, этот родной дом – очень уж давно судьба вывела на дорогу войны...

И был его доспех избит безжалостными ударами, и меч его был выщерблен, и одежда вся в засохшей крови.

Но узнали. Да и как не узнать такого героя? Особенно, когда едет он не с пустыми руками.

И отец вышел к воротам замка, и обнял крепко. И дивились люди – стоят два старика, один другому ровня морщинами да сединой – так иссушила рыцаря долгая дорога.

И несли ему сестры вино и прочее угощение, и омыли уставшие ноги. И с братом выпили, и с каждым из соседей. И спросил рыцарь: «Где мать моя? Где та, что родила на свет?»

И пропала радость в словах окружавших его, и пропало счастье в глазах их.

«Умерла она. Год назад. Ты на войне был! А она вспоминала, встречи просила! Не дождалась!»

И вскричал рыцарь в горе:

«Мама! Мама! Прости меня! Прости!»

И седина его волос стала белой, будто первый снег. И заплакал рыцарь, и сказал, что нет места ему среди людей мира, а дорога его – на войну.

И сел он на сивого коня своего, да и уехал. И ложились в скорби цветы под копыта его коня. И пропал рыцарь в неизвестности. Говорят люди, что ходит Белый Рыцарь дорогами войны, ищет успокоения, да прощения.

Но не сбежать от самого себя, как ни старайся...»

Так звучала история Бьярна, когда за беловолосым закрывалась дверь.

Он же, слыша ее в пересказах редких смельчаков, смеялся. Потому что не так все было. Совсем не так!

Но как – никогда не рассказывал. А кто знал – тот умер давно.

Глава 6. Молилась ли ты на ночь, Бертольдина?

Марселин стояла за спиной, и тут же нет ее. Исчезла, испарилась. Мелькнула тень в далеком переулке...

Лукас потер спину в том месте, куда упиралось острие «чинкуэды». Так и не ткнула. Пожалела? Или что?.. И исчезла. Будто стерли ее таинственным волшебством.

Изморозь в который раз подивился быстроте ее движений. Ведь не человек, молния! Или все-таки магия? Правильно говорят, что все бабы ведьмы! Отводит глаза по-хитрому, вроде на нее смотришь, а на самом деле, в другую сторону. Помнится, нечто такое было в «Собрании преумностей земных и небесных господина Адольфио». Впрочем, не время и не место размышлять!

Лукас еще постоял несколько минут, облокотившись на угол. Выщербленный песчаник охлаждал бок.

Стражники, отчаянно ругаясь, выволокли очередные носилки. Убитый был изрядно тяжел – двое кинулись на вырубку, перехватили отполированные рукояти. Похоже, Рэйни – пакостит, сволочь, даже напоследок! Точно, он! Только у главаря было такое огромное пузо – наброшенная простыня делала труп похожим на зимний перевал, над которым подрались два дракона, заплевав снег кровью.

Вслед за носилками вышел стражник, держа за волосы голову кого-то из близнецов. С обрубка шеи сочились тяжелые капли. Похоже, в луже крови лежала – вряд ли до сих пор текла бы из трупа...

Неизвестные убийцы постарались на славу! Положили всех, до кого дотянулись. Свои лочи! И ведь и до него могли добраться!

Жаль, Марселин не рассказала, что и как. И вряд ли расскажет.

Лукас криво ухмыльнулся – так и не завалил ее на постель упругой попой. С другой стороны, всяко бы не вышло ничего. Сбежала красавица, только косы мелькнули.

Да и хрен с ней.

Марселин права. Надо растаять. Как сделала она, подавая пример. Будет забавно, если толстяка она же и сдала страже...

А вдруг у Йоржа ждет засада. Хотя, конечно, вряд ли! Пустили в «Русалку», и сомнение до небес, по лбу колотит? Кому ты нужен, шелупонь безродная, чтобы на тебя еще засаду ставить, уважаемых людей отвлекать?! Но, в любом случае, надо уходить. Пока какому-нибудь слишком бдительному стражнику не стукнула моча в голову, и не окликнул...

Изморозь отлепился от стены, провел напоследок ладонью по шершавости камня. Кровь стучала в висках, а ноги так и дрожали, в ожидании очень долгого и очень быстрого бега. Но бежать нельзя. Вот совсем нельзя! Даже быстрый шаг под запретом. Пойдешь хоть на гран быстрее, чем положено похмельному гуляке, бредущему с доброй гулянки, и все. Стражники, они ведь как легавые. Сперва бегут, потом соображают. А ведь если догонят, то виселицы не миновать – если при задержании не сунут кинжал под ребро или не стукнут виском о камень – чтобы мороки меньше.

К тому же, его видели среди банды. И ведь никто не знает, где кончается Ратт и начинается стража... Описание физиономии и особые приметы найдутся. И ведь, чего кривляться, виноват, Панктократор соврать не даст, узлом язык заплетет! И резал, и душил, и карманы убитых чистил. И награбленное не в храм относил, а на пьянки тратил, да на девок гладких...

Вспомнилась Стефи. Замелькали перед глазами соски-смородинки, зашептали губы, четко очерченные, будто резцом отмеченные. Вливались слова расплавленным свинцом...

Лукас затряс головой, словно воду из ушей вытряхивал после купания.

Потом. Все потом! Сперва, нужно оказаться как можно дальше от “Башмака”. И все будет! И вино, и деньги, и женщины!

Но потом.

Изморозь бросил последний, преисполненный сожаления, взгляд на кабака. Нет, Лукас грустил не об убитых товарищах – нужны они ему! Он надеялся, что вся уборка ограничится выносом тел и замыванием пятен крови и мозгов. И что никакая сверхстарательная сволочь из прислуги, радуясь, что наконец-то поубивали не полезет глубже. Иначе плакали его денежки!

А теперь, аккуратненько, не спеша... Левой ногой, правой ногой! Это называется «ходить», а никак не «бежать». Идем себе, и идем.

Лукасу казалось, что ему в спину таращится с полдюжины стражников. Но никто на него внимания не обратил. А если кто и заметил бледного парня, прилепившегося к стене, то никак его к событиям в «Башмаке» не приписал. Гоняться же за всеми подряд – подметки сторят. А они хоть и казенные, а всяко жалко! Выдают-то, сапоги всего раз в полгода!

Все же Изморозь не сдержался. Он рванул с места так, что любой заяц сгрыз бы ноги от зависти. Маска загулявшего студента свалилась, рассыпавшись вдребезги от топота ног, коло-
тящих о брусчатку.

Но долго бежать не пришлось. Лукас даже не успел запыхаться, как вылетев из-за поворота, со всего размаху ударился во что-то большое и мягкое. Отлетел назад, со всей силы приложившись о камни спиной и затылком – перед глазами на миг все померкло в разноцветном хороводе. Рот наполнился кровью из прокушенного языка.

Еле шевеля конечностями, сам себе напоминая полураздавленного жука, Лукас попытался подняться. Ему помогли, ухватив за шиворот, и воздев ввысь. Изморозь дотягивался до земли только кончиками пальцев ног.

– Ишь, разбегались тут! Ворюга! Ну я тебя...

Его держал одной левой огромный человек, размерами как парочка Рэйни, а то и больше. Могучая лапа начала складываться в кулак. Медленно-медленно...

Лукас представил, что с ним произойдет, если это животное его ударит. Череп сомнется куриным яйцом – только осколки полетят.

Изморозь заверещал от страха, выдернул из кармана складник. Резко дернул кистью, поджимая «плавничок». Клинок выскочил беззвучно – щелчок стопора утонул в визге. И так же беззвучно нож вошел куда-то под рыжую с проседью бороду.

Лукас выдернул оружие с легким доворотом, как учили. Глядя в округляющиеся глаза противника, ткнул снова, чувствуя, как лопается после краткого мига сопротивления кожа, как острие втыкается в мясо, пробивая хрящи.

Кровь шумно фыркнула в лицо. Двуногий медведь разжал руку. Изморозь ударил еще раз, чувствуя, что падает, и снова на спину. Чудом перекрутился в воздухе – приложился бы снова затылком, и не встал. Твердость брусчатки больно стукнула по пяткам.

У врага подкосились ноги, и он начал заваливаться лицом вперед. Мертвец чуть не придавил безжизненной тушей отпрыгнувшего Лукаса – бессильные пальцы скользнули по колету.

Изморозь лихорадочно оглянулся. К счастью, недолгая схватка обошлась без свидетелей, а шум никого не побеспокоил до той степени, чтобы возмущаться. Парень присел, охлопал штаны убитого, не обращая внимания, что пачкается в крови – ее и так было с избытком, что на руках, что на теле. Ага, вот и кошелек. Увесистый! Даже если только медь, уже неплохо!

Лукас сунул находку за пазуху. Снова оглянулся. По-прежнему вокруг стояла тишина. Не хлопали ставни, никто не кричал о хладнокровном убийстве и наглом грабеже. Тихий квартал, спокойный!

Изморозь представил как он сейчас выглядит со стороны. Жутковато, что и говорить! Весь в крови, волосы дыбом, глаза горят! Его скорчило приступом внезапного смеха. Лукас

чуть не упал, содрогаясь от хохота. Обоссавшийся ужас из пустошей, чтоб его! Самое то пугать детей и соседских коров!

Каждый горожанин знал, где живут циркачи из «Ключа»! И почти каждый тут побывал! Кто ходил к гадалкам, кто – поплялиться на зверинец, а кто и к веселым и не жадным циркачкам наведывался за плотскими утехами.

Табор располагался между портом, что раскинулся на мысе, у бухты, и городом, что стоял в лиге от побережья. Там, где сходятся три дороги, разбегаясь причудливой литирой. От перекрестка, по широкой – двум телегам места хватит – дороге, местами даже мощенной, и к морю, вдоль пыльных ореховых рощ.

Цирк, до того неустанно бродящий и катающийся по побережью, в Сивере оказался с год назад. И до того пришелся ко двору местным, что все никак не мог сняться. И укатиться дальше, по пыльным дорогам.

Сивера – город портовый. Корабли то приходят, то уходят. Торговые караваны косяками идут. Непрестанный круговорот человек в Универсуме, как сказал бы какой ученый, доведись таковому прослышать про данную данность! И моряки, и торговцы – люди с деньгами! И пьют как верблюды, соря деньгами, когда голову дрянным пойлом затуманят. И шутки им можно шутить одинаковые, и фокусы показывать одни и те же. Кто там заметит, что на прошлой неделе все тоже самое было?

Опять же, у циркачей имелся запас всякого хитрого зелья, годного для разнообразнейших дел. Много, короче говоря, имелось причин не сниматься с места.

Колеса врастали в песок, а циркачи в город. С ними здоровались, кое-кого звали в гости, а кое-кого и настойчиво зазывали. Глядишь, год-два, и все, станут местными – никто и не вспомнит, что приезжие. Рожами почернели, волосы выгорели – будто всю жизнь тут прожили. Разве что говор выдавать будет! Язык не перекрутить...

Лукас шлепал по лужам, поглядывал вверх – солнце потихоньку забиралось на серое небо – трехдневный потоп все-таки кончился! Засмотревшись, Изморозь поскользнулся на гнилом яблоке, упал, неловко подвернув левую руку. Падая, лицом чуть не угодил в дохлую крысу...

Незадачливый вор сел на мостовую, бессильно выдохнул. За что караете, боги?! Что сделали вам такого?! От злости и обиды, Лукас ударил кулаком по камням. Взлетели брызги. Грязная вода стекала по лицу, мешаясь с кровью.

Конечно, удивительно – как от людей столько мусора получается? Груды, горы мусора! И вообще, живешь себе, живешь... Выйдешь за пивом, вернешься, а из дверей трупы выносят. Или вовсе, выйдешь рано утром от любовницы, а тебе ножом в глотку, раз! Раз! Странный мир вокруг, несправедливый. Или это времена такие, предпоследние?

На воротах, выходящих в сторону порта, стража, как обычно, отсутствовала. Как аборигены говорили, ее и не ставили тут никогда. За бессмысленностью. И к счастью! Лукас прошел под каменной аркой, трясаясь от мысли, что его могут заметить. Но снова повезло!

Наконец, спящий город остался позади.

Дойдя до перекрестка, Изморозь свернул на нужную дорогу. Растоптанная и раскатанная пыль после обильного дождя стала липкой грязью, так и норовившей стянуть сапоги. Поэтому пришлось идти по придорожной траве, приминая жесткие стебли и отмахиваясь от репейников, нагло торчащих как раз на уровне лица.

Идти довелось недолго, да и сам путь утомительным не стал. После всех треволнений и переживаний пройти по утреннему холодку, пусть даже и борясь с вредительской флорой – не самое плохое времяпровождение за последние сутки!

Дорога перевалила небольшой холм, и перед Лукасом открылся вольготно раскинувшийся на пустыре лагерь. Его окружала импровизированная ограда из натянутых на высокие неошкуранные колья старых сетей, из-за обилия дыр и общей ветхости уже не годных в рыбацкий промысел. «Ворота» изображали две кибитки, развернутые друг к другу кормой – между ними могло проехать развернутым строем рыцарское «копье», не толкаясь локтями – так сказать, без ущерба чести.

На берегу, на линии прилива, то и дело обдаваемые грязной пеной, ковырялись дети – похоже, собирали крабов и прочую мелюзгу, годящуюся упокоиться в ненасытной утробе. Чуть глубже, по грудь в воде, уныло брели два угрюмых – то ли с перепою, то ли от раннего подъема – рыбака, тащили бредень.

Третий сидел на песке, баюкал ногу, громко ругая гадских, склизких и жопоплавниковых рыб в общем, и проклятых скатов-шипохвостов, в особенности. Лукас пожалел бедолагу – местные скаты особой ядовитостью не отличались, но хромать тому и хромать! И не такие слова на ум придут!

Не считая детей и рыбаков, остальной лагерь спал и просыпаться не собирался. И не удивительно. Жизнь циркача – она на бандитскую многим похожа. Циклом суточной жизни в особенности. Вечером и ночью работаешь, утром и днем дрыхнешь без задних ног.

Если не подрезали, конечно, и скат своим шипом в пузо не ткнул – а такое бывало! Изморозь пару месяцев скреб перышком, работая в порту писцом, и наслушался страшных морских историй с запасом.

Работа была несложной и весьма прибыльной, жаль – недолгой. Новенького, решившего, что он тут самый умный и хитрый, быстро раскусили и выставили пинком под зад. Хорошо, не зарезали!

Лукас, впрочем, зла нисколько не затаил – благо, успел немного нажиться. Ну и познакомиться с Йоржем – одним из дюжины главарей «Ключа».

Тамошняя иерархия отличалась лютой запущенностью и необходимостью учитывания кучи разнообразнейших факторов! Даже звезды влияли на то, кто в данный момент главнее. С другой стороны, Лукасу и тогда это было не особо важно, а уж теперь – тем более. Марселин посоветовала бежать сюда. И значит, Йорж мог помочь. Мысли о возможной засаде, конечно, просто так Лукаса не оставляли, но всерьез их обдумывать он не рисковал, боясь провалиться в бездонную яму уныния и скорби.

Изморозь крадучись проник в лагерь. Первые шаги сделал с оглядкой, но плюнул, и зашагал быстрее, не шараясь от каждой тени. Смотреть на него было некому. А кто посмотрел бы – невольно проникся сочувствием.

То еще пугало, хоть на огород ставь! Рожа и руки в засохшей крови – толком отмыться не вышло – у фонтана на площади толпились «ночные», съехавшиеся на свою обычную утреннюю беседу. Одет в вещи с чужого плеча, еще и сыроватые – ленивая хозяйка вывесила свежестиранное еще до дождей, но так и не удосужилась забрать.

Дорога лежала мимо небольшого зверинца. Лукас замедлил шаг. Сколько раз тут, а все не рассмотрелся. Надо было в егеря идти...

Беспокойно ходил по клетке тигуар, хлестал себя по бокам пушистым хвостом, шерился, чувствуя запах убоины. Косил раскосыми желтыми глазами на соседнюю клетку, где беззаботно дрыхла пузом к потолку мохнатая живая гора – пещерный медведь.

Свалявшаяся серо-бурая шерсть свисала с могучих боков. Лукас медведей опасался – знал, что вот эта вот бесформенная куча шерсти и жира, способна догнать лошадь. И сожрать вместе со всадником, седлом и стремянами. И разве что поперхнуться звездочкой от шпоры.

Рядом с хищниками, в большом вольере, спали козероги, с толстыми и длинными рогами, напоминающими луки. Подле – парочка изящных косуль и невысокая, но крепкая антилопа

с немаленькими клыками – Лукас все никак не мог запомнить ее название. То ли каторга, то ли кабарда.

Чуть в стороне, сооруженный из все тех же сетей, но в несколько рядов – здоровенный вольтер, набитый курами. Их, как пояснял Йорж, в цирке разводят на корм зверям и на закуску самим циркачам.

В воздухе стоял острый запах помета и навоза...

Пройдя зверинец, Лукас уткнулся в лабиринт палаток, шатров и кибиток. Точной дороги он не помнил, да и не существовало ее – кочевой народ то и дело переставлял свои домики – сбивая с толку любого, даже самого памятливого следопыта.

Впрочем, плутать довелось недолго. Не прошло и квадранса [около пятнадцати минут], как Изморозь оказался у знакомой повозки. На крыше с большим тщанием неизвестный мастер изобразил батальное полотно – стоящие на задних лапах барсук и еж фехтовали длинными винными бутылками.

– Приметный рисунок! – сам себе сказал Лукас и потянул носом. Одна из немногих привилегий «главных» в этом беспорядке – возможность жить как можно дальше от пахучести и шумности клеток.

Хотя, от некоторого шума избавиться все же не довелось...

Изморозь подошел вплотную к кибитке, прислушался. За живописно разукрашенным толстым полотном что-то происходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.